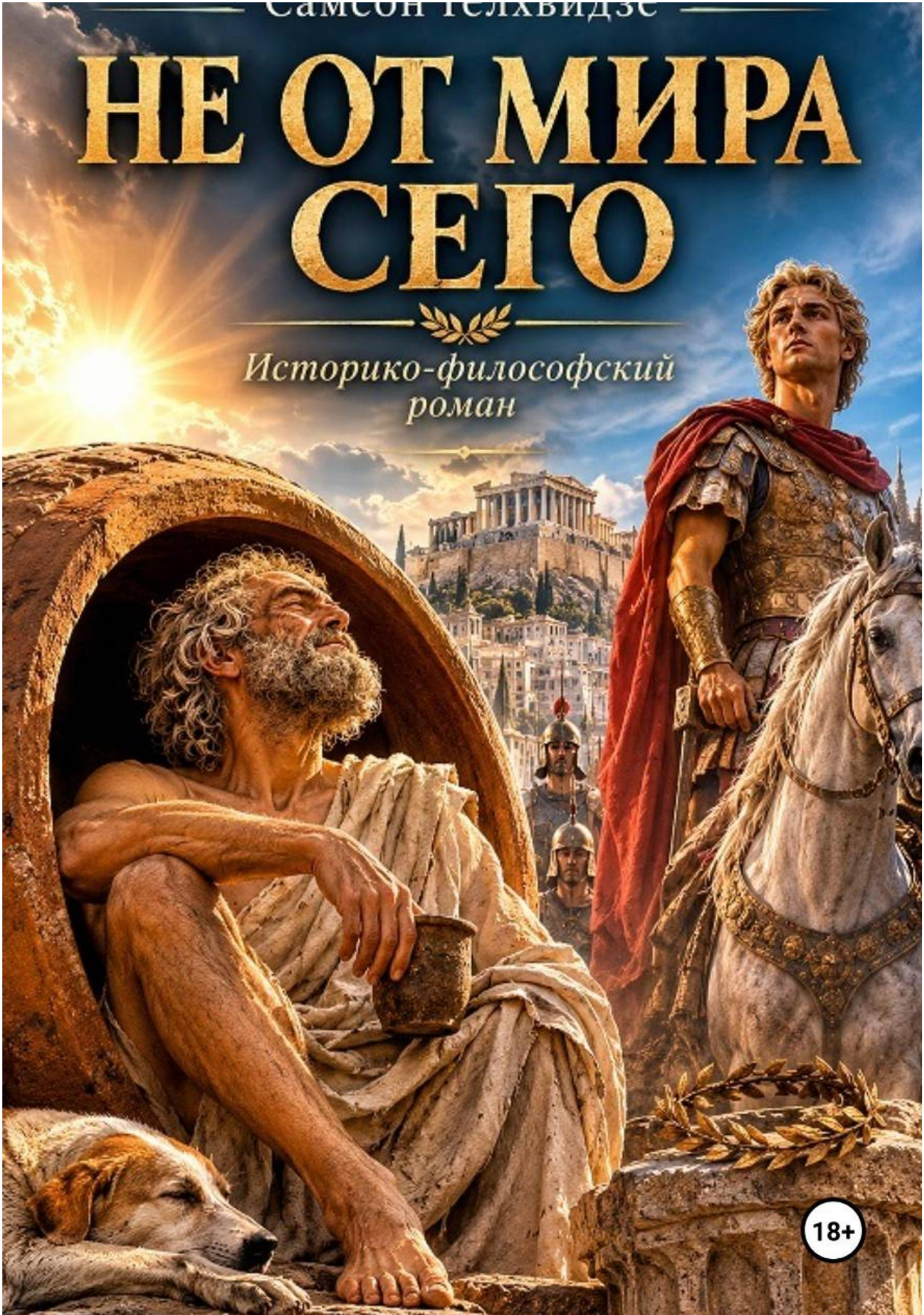
Самсон Гелхвидзе

НЕ ОТ МИРА СЕГО

Историко-философский роман

18+

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

НЕ ОТ МИРА СЕГО -
Историко-философский роман

«Автор»
2026

ГЕЛХВИДЗЕ С.

НЕ ОТ МИРА СЕГО - Историко-философский роман /
С. ГЕЛХВИДЗЕ — «Автор», 2026

«Не от мира сего» — глубокий историко-философский роман о двух великих личностях античности, чьи представления о человеческой свободе, счастье и истинном величии оказались поразительно разными.На страницах произведения встречаются Диоген Синопский — человек, сумевший отказаться от всего лишнего, и Александр Македонский — властитель, перед которым склонялись города и народы. Их встреча становится не просто столкновением двух характеров, но настоящим поединком мировоззрений, в котором военная мощь уступает силе независимой человеческой мысли.Философская глубина, выразительные диалоги и психологическая убедительность превращают роман в размышление о власти, богатстве, достоинстве и цене человеческой свободы. Роман не предлагает читателю готовых ответов — оно побуждает думать, сомневаться и искать собственную истину.«Не от мира сего» — роман о людях, один из которых стремился владеть миром, а другой доказал, что для внутренней свободы человеку порой достаточно не заслонять ему солнце.

© ГЕЛХВИДЗЕ С., 2026
© Автор, 2026

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
НЕ ОТ МИРА СЕГО -
Историко-философский роман

НЕ ОТ МИРА СЕГО
Историко-философский роман

ПРОЛОГ. ЧЕЛОВЕК, КОТОРОМУ НИЧЕГО НЕ НУЖНО

— Чего ты желаешь?

— Отойди, ты заслоняешь мне солнце.

— Ты знаешь, кто перед тобой?

— Знаю. Но пока ты стоишь передо мной, я не вижу того, что мне действительно нужно.

Незнакомец некоторое время молчал. Казалось, услышанный ответ не столько рассердил его, сколько заставил задуматься. Он привык, что при его появлении люди менялись в лице, склоняли головы, торопились исполнить любое желание. Но этот человек даже не поднялся со своего места.

— Ты ничего не просишь у меня?

— А что ты можешь мне дать?

— Всё, что пожелаешь.

— Тогда дай мне то, чего ты сам не имеешь.

Вокруг них стояли люди. Одни старались скрыть улыбки, другие переглядывались, не понимая, как следует воспринимать происходящее. Несколько воинов, сопровождавших незнакомца, невольно придвинулись ближе. Они ждали приказа, одного лишь движения руки, которое могло бы прекратить эту странную беседу.

Но приказа не последовало.

— Ты считаешь себя счастливым? — спросил незнакомец.

— А ты?

— Я могу получить почти всё, чего пожелаю.

— Я не спрашивал, что ты можешь получить. Я спросил, счастлив ли ты.

Незнакомец посмотрел на человека, сидевшего перед ним. Тот был одет бедно, его лицо избороздили морщины, волосы давно утратили прежний цвет. Рядом лежали самые простые вещи, которые едва ли представляли какую-нибудь ценность даже для самого непритязательного бедняка. Никакого богатства, никакой охраны, никакого почёта. И всё же в его взгляде не было ни зависти, ни страха, ни желания понравиться.

— Ты живёшь так, словно тебе ничего не нужно, — произнёс незнакомец.

— Нет. Мне нужно солнце, воздух, немного еды и возможность говорить то, что я думаю. Но люди почему-то считают, что для этого требуется гораздо больше.

— А если я предложу тебе дворец?

— Зачем?

— Золото?

— Чтобы купить то, без чего я прекрасно живу?

— Почёт и уважение?

Старик рассмеялся.

— Почёт? Ты предлагаешь мне зависеть от мнения людей, которые ещё вчера могли считать меня безумцем, а завтра назовут мудрецом? Нет, благодарю.

Незнакомец впервые улыбнулся.

Он смотрел на своего собеседника уже не как на странного бедняка, которого можно было бы одарить по собственной прихоти, а как на человека, чьи ответы почему-то заставляли его самого искать слова.

— Скажи мне, — произнёс он после короткой паузы, — ты всегда был таким?

— Нет. Когда-то я тоже думал, что мне необходимо многое. Потом жизнь объяснила мне, насколько я ошибался.

— И ты благодарен ей за это?

— Не всегда. Но теперь хотя бы знаю, что принадлежит мне, а что я лишь временно удерживаю в руках.

Незнакомец поднял голову. Солнце уже клонилось к западу, и его последние лучи ложились на белые стены домов, на каменные ступени и на лица собравшихся людей. Вдали слышались голоса торговцев, крики мальчишек, стук копыт и привычный городской шум. Жизнь продолжалась, совершенно не интересуясь тем, что в одном из её уголков происходила встреча, о которой впоследствии будут рассказывать многие поколения.

— Ты странный человек, — сказал незнакомец.

— А ты слишком привык, что все вокруг считают тебя необыкновенным.

На этот раз засмеялся даже один из воинов, но тут же умолк, встретившись взглядом со своим предводителем.

Тот не рассердился.

Он ещё некоторое время смотрел на старика, словно пытался разгадать загадку, которую невозможно было решить ни силой оружия, ни приказом, ни богатством.

Затем он повернулся и медленно пошёл прочь. Его спутники последовали за ним. Люди расступались перед процессией, провожая её почтительными взглядами. И только тот, кто остался сидеть на земле, не изменил своего положения. Он снова подставил лицо солнцу, словно ничего особенного не произошло.

Но произошло.

В тот день встретились два человека, каждый из которых по-своему понимал величие. Один привык измерять его расстоянием между покорёнными городами, другой — расстоянием между человеческим желанием и истинной необходимостью.

Один владел армиями, землями и судьбами тысяч людей. Другой не владел даже собственным жилищем.

И всё же в этой короткой беседе обнаружилось нечто такое, чего не могли объяснить ни победы, ни поражения, ни богатство, ни бедность.

Возможно, впервые человек, которому принадлежала огромная часть известного мира, встретил человека, которому не хотелось принадлежать ничему.

А чтобы понять, как два столь разных человека оказались рядом в один и тот же час, нам придётся вернуться назад — к далёким берегам Чёрного моря, в небольшой город, где когда-то родился мальчик, которому предстояло поставить под сомнение почти всё, во что верили окружающие его люди.

Его ещё не называли великим философом.

Его ещё не считали мудрецом.

И никто тогда не мог предположить, что однажды его имя окажется рядом с именем самого могущественного завоевателя эпохи.

Но история уже готовила им встречу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГОРОД, В КОТОРОМ РОДИЛСЯ СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ГОРОД НА БЕРЕГУ ПОНТА

Море в тот день было неспокойным. Ветер с севера гнал к берегу тяжёлые волны, и они с глухим грохотом разбивались о камни, оставляя на песке белые полосы пены. Над гаванью висело низкое серое небо, однако город жил своей обычной жизнью: торговцы выкрикивали

цены, грузчики перекатывали бочки с вином, рыбаки спорили о ночном улове, а возле причалов покачивались корабли, прибывшие из далёких земель.

Синопа стояла на южном берегу Понта Эвксинского — моря, которое позднее назовут Чёрным. Здесь сходились пути купцов, мореходов и путешественников. Одни привозили из заморских стран дорогие ткани и благовония, другие — зерно, масло, металлы, вино. Вместе с товарами в город прибывали чужие обычаи, незнакомые слова и рассказы о местах, где люди жили совсем иначе, чем здесь.

Синопа умела принимать чужаков, но ещё больше она умела извлекать из них выгоду.

Город не был ни самым богатым, ни самым могущественным среди греческих поселений Малой Азии, однако его жители любили говорить о своём достоинстве. У них были свои законы, свои храмы, свои праздники, свои знатные семейства. Они гордились происхождением, уважали богатство и охотно судили о человеке по тому, чем он владел, с кем общался и какое место занимал среди сограждан.

На главной улице, неподалёку от торговой площади, стоял дом, который отличался от соседних не столько размерами, сколько основательностью. Его стены были сложены из светлого камня, внутренний двор украшали несколько деревьев, а у входа находилась небольшая мастерская. Здесь работал человек, чьё имя было хорошо известно в городе.

Его звали Гикесий.

Он занимался денежными делами и имел отношение к чеканке монеты. Это занятие требовало доверия, точности и знания того, как устроена жизнь людей. Монета переходила из рук в руки, пересекала границы, сопровождала сделки и путешествия. Для одних она была средством обмена, для других — мерой достатка, а для третьих становилась почти единственным доказательством собственного благополучия.

Гикесий принадлежал к тем людям, которые считали деньги не просто необходимостью, но и важнейшим условием порядка. Он не был человеком бездушным. У него имелись свои представления о справедливости, свои привязанности и свои слабости. Однако он слишком хорошо знал цену вещам, чтобы не замечать, как постепенно сама цена начинает подменять человеческую ценность.

У него рос сын.

Мальчика звали Диоген.

В тот год он был ещё совсем юным, но уже отличался от большинства сверстников. Не тем, что был особенно послушен или, напротив, нарочно искал повода для неповиновения. Просто он часто задавал вопросы, на которые взрослые не любили отвечать.

Иногда он мог долго стоять у гавани, наблюдая за прибывающими кораблями. Его интересовали не столько сами суда, сколько люди, которые сходили на берег. Он рассматривал их одежду, лица, движения, прислушивался к незнакомой речи и пытался угадать, что заставило каждого из них покинуть родные места.

Однажды отец застал его возле причала.

— Ты опять здесь? — спросил Гикесий.

Диоген обернулся.

— Здесь много людей.

— На рынке их ещё больше.

— Но на рынке все говорят о том, что продают. А здесь можно увидеть тех, кто приехал издалека.

Отец посмотрел на сына с лёгкой улыбкой.

— И что же ты надеешься узнать у этих людей?

— Почему они уезжают из своих городов.

— По разным причинам. Кто-то ищет богатства, кто-то спасается от бедности, кто-то торгует, кто-то служит, кто-то ищет удачи.

— А кто-нибудь уезжает потому, что ему не нравится его собственный город?

— Конечно. Но разве от этого другой город становится лучше?

Диоген задумался.

— Не знаю. Наверное, это зависит от того, что человек ищет.

— Вот именно, — одобрительно произнёс Гикесий. — Человек должен знать, чего хочет. Тогда ему легче найти своё место в жизни.

Мальчик снова посмотрел на море.

— А если он не знает?

— Тогда ему следует учиться.

— А если он научится хотеть не того, что ему нужно?

Гикесий нахмурился. Вопрос показался ему странным, почти бессмысленным.

— Ты слишком много думаешь о вещах, которые пока не можешь понять.

— Может быть, потому, что взрослые слишком редко объясняют их детям.

Отец не ответил. Он уже собирался уходить, но задержался, заметив, что сын смотрит на небольшой торговый корабль, стоявший у причала.

— Что тебя заинтересовало?

— Вон тот человек.

На палубе корабля стоял пожилой моряк в потёртой одежде. Он был бос, хотя на берегу лежали дорогие ковры, которые только что выгрузили из трюма. Моряк не обращал на них никакого внимания. Он смотрел на город, словно впервые увидел его после долгого отсутствия.

— Он беден? — спросил Гикесий.

— Не знаю.

— У него нет даже обуви.

— Но он вернулся домой.

— И что?

— Он улыбается.

Гикесий усмехнулся.

— Значит, ему повезло. Не каждый возвращается из плавания с улыбкой.

— А может быть, он счастлив не потому, что вернулся с чем-то, а потому, что вернулся вообще.

Отец посмотрел на сына внимательнее. В этих словах не было детской шалости. Диоген произнёс их совершенно серьёзно, будто пытался разобраться в вопросе, который давно не давал ему покоя.

— Счастье, сын мой, — вещь непростая, — сказал Гикесий. — Но человеку легче жить, когда у него есть дом, достаток и уважение окружающих.

— А если окружающие уважают не человека, а его достаток?

На этот раз отец не нашёлся с ответом сразу.

Он привык к вопросам о деньгах, торговле, ремесле, ценах и долгах. Но сын словно пытался заглянуть за пределы всего, что составляло привычный мир взрослых.

— Пойдём домой, — наконец сказал он. — Тебе пора заниматься.

Они пошли вдоль гавани. Ветер трепал одежду прохожих, а с моря доносились голоса моряков. Диоген шёл рядом с отцом, но его внимание уже переключилось на другую сцену.

У стены сидел нищий. Перед ним стояла деревянная миска, в которой лежало несколько мелких монет. Мимо проходили люди, некоторые бросали в неё деньги, другие отворачивались. Рядом остановился торговец, одетый в дорогой плащ. Он долго рассматривал нищего, затем достал из кошелька монету и бросил её в миску с таким видом, словно совершил нечто великое.

Нищий поднял голову.

— Благодарю тебя, господин.

Торговец удовлетворённо кивнул и продолжил путь.

Диоген остановился.

— Отец, почему он назвал его господином?

— Потому что тот дал ему деньги.

— Значит, тот, кто даёт деньги, становится господином?

— Не всегда. Но благодарность — достойное чувство.

— А если человек даёт монету только для того, чтобы его назвали господином?

Гикесий устало вздохнул.

— Диоген, ты опять ищешь дурное там, где можно увидеть доброе.

— Я ничего не ищу, отец. Я просто смотрю.

— Тогда научись смотреть правильно. Не всякий поступок нуждается в подозрении.

Мальчик кивнул, но его взгляд ещё некоторое время оставался прикованным к нищему.

Тот пересчитал монеты, спрятал их в складки одежды и снова опустил голову. Торговец уже исчез за поворотом, унося с собой приятное ощущение собственной щедрости.

Диогену почему-то показалось, что один из этих двух людей получил гораздо больше, чем другой, хотя монета перешла именно к нищему.

Он ещё не мог объяснить себе эту мысль. Но она осталась с ним.

Вечером, когда солнце опустилось за крыши домов, город постепенно стих. Из мастерских доносились последние удары молотков, на площадях зажигали светильники, а в домах собирались семьи. За столами обсуждали торговые сделки, морские новости, цены на зерно и слухи о политических переменах.

В доме Гикесия тоже готовились к ужину.

Диоген сидел у окна и смотрел, как последние солнечные лучи ложатся на каменные стены соседнего дома. На столе перед ним лежала небольшая монета, которую отец дал ему для упражнения в счёте.

Мальчик взял её в руку и повернул к свету.

На одной стороне был отчеканен знак города, на другой — изображение, которое он видел сотни раз. Монета была маленькой, но люди придавали ей огромное значение. Из-за неё спорили, заключали сделки, отправлялись в дальние путешествия, иногда обманывали и даже убивали.

Он положил монету на стол.

— О чём задумался? — спросила мать, проходя мимо.

— Почему люди так дорожат деньгами?

— Потому что без них трудно жить.

— А раньше, когда их не было?

— Тогда люди жили иначе.

— Но ведь они тоже хотели есть, иметь дом и быть счастливыми.

Мать улыбнулась.

— Конечно. Просто находили другие способы.

— Значит, деньги появились для того, чтобы облегчить жизнь?

— Думаю, да.

Диоген помолчал.

— А почему иногда кажется, что люди живут только ради них?

Мать остановилась. Она посмотрела на сына, затем на монету, лежавшую перед ним.

— Потому что человеку бывает трудно остановиться, когда он начинает чего-то желать.

— Даже если у него уже достаточно?

— Особенно тогда, когда он перестаёт замечать, что ему достаточно.

Диоген поднял глаза.

— А как понять, что достаточно?

Мать не сразу ответила. Вопрос был простым, но в нём чувствовалось что-то такое, чему невозможно было научить одним советом.

— Наверное, это каждый должен понять сам, — произнесла она наконец.

Мальчик снова посмотрел в окно. Над крышами уже темнело небо, и первые звёзды появлялись над морем.

Он ещё не знал, что однажды ему придётся покинуть этот город, пройти через чужие земли, столкнуться с людьми, которые будут считать его безумцем, и встретить человека, перед которым склонятся целые народы. Он не знал, что его имя переживёт века, а несколько произнесённых им слов станут известны далеко за пределами Греции.

Пока он был лишь мальчиком из Синопы, сыном человека, имевшего отношение к монетам, и жителем города, где почти каждый знал цену серебру, но мало кто задавался вопросом о цене человеческой свободы.

И, возможно, именно здесь, среди шумной гавани, торговых площадей и разговоров о достатке, в его душе впервые зародилось сомнение, которому предстояло изменить всю его жизнь: если человек может владеть множеством вещей, почему ему так трудно научиться владеть самим собой?

Море за окном продолжало шуметь. Оно не знало ни цены монетам, ни человеческих титулов, ни границ между богатыми и бедными. Оно просто жило по своим законам, и в этом была его древняя, равнодушная свобода.

А маленький мальчик из Синопы впервые задумался о том, что настоящая независимость, возможно, начинается там, где человек перестаёт нуждаться в чужом одобрении.

ГЛАВА ВТОРАЯ. МАЛЬЧИК ИЗ СИНОПЫ

В доме Гикесия утро начиналось раньше, чем город успевал окончательно проснуться. Едва первые солнечные лучи касались крыш, как во внутреннем дворе уже слышались шаги слуг, плеск воды в каменном бассейне и негромкие распоряжения хозяина. Гикесий любил порядок. Он считал, что человек, не умеющий управлять собственным домом, едва ли способен справиться с более серьёзными делами.

Его мастерская находилась неподалёку от жилых комнат. Там хранились весы, гири, металлические заготовки, инструменты и образцы монет. В помещении всегда пахло металлом, древесным углём и маслом. Для Диогена это место было одновременно знакомым и загадочным. Он знал, как работают мастера, видел, как нагревают металл, как выравнивают заготовки, как удар молота оставляет на поверхности отчётливый знак. Но больше всего его занимал не сам процесс изготовления монеты, а то, что происходило после.

Однажды утром он пришёл в мастерскую раньше обычного. Отец беседовал с двумя мужчинами, которые принесли небольшую партию серебра. На столе лежали кусочки металла, а рядом находились весы.

— Здесь недостаёт веса, — произнёс один из посетителей.

— Возможно, — ответил Гикесий, внимательно рассматривая металл. — Но сначала следует проверить ваши гири.

Мужчина недовольно усмехнулся.

— Мои гири проверены.

— Тогда проверим ещё раз. Серебро не должно зависеть от того, кому оно принадлежит.

Диоген стоял у двери и слушал. Ему понравились эти слова. Они показались ему справедливыми и простыми. Но вскоре разговор принял иной оборот.

Когда посетители ушли, Гикесий позвал помощника и приказал отложить часть металла для отдельной проверки. Затем обратился к сыну:

— Ты слышал наш разговор?

— Да.

— И что понял?

— Что вес должен быть одинаковым для всех.

— Именно. В торговле не должно быть обмана.

— А если человек сам обманывает себя?

Отец поднял голову.

— Что ты имеешь в виду?

— Если он знает, что поступает неправильно, но называет свой поступок правильным?

Гикесий некоторое время молчал, затем снял с весов небольшую гирю.

— Это уже не вопрос торговли, Диоген. Это вопрос совести.

— А совесть можно проверить, как весы?

— Нет.

— Тогда как узнать, что человек не обманывает?

Отец положил гирю на стол.

— Иногда достаточно посмотреть на его поступки.

— А если поступки выглядят хорошими только со стороны?

Гикесий улыбнулся, но улыбка получилась немного усталой.

— Ты задаёшь вопросы, на которые не всегда есть ответы. Запомни, сын: мир не устроен так просто, как тебе хотелось бы.

— Может быть, он просто устроен неправильно?

Отец внимательно посмотрел на мальчика.

— Или ты ещё слишком мало знаешь о нём.

Диоген не стал спорить. Он понимал, что отец не сердится, но чувствовал: их разговоры всё чаще напоминают две дороги, которые идут рядом, а затем постепенно расходятся.

В последующие дни мальчик стал чаще бывать на площади. Там он наблюдал за людьми, слушал споры и постепенно замечал, что почти каждый человек стремится доказать окружающим собственную значимость. Торговец хвалился товаром, воин — победами, богатый землевладелец — числом работников, а молодой человек из знатной семьи старался произвести впечатление дорогой одеждой.

Диоген не считал их всех плохими. Он видел, что люди способны быть щедрыми, смелыми, преданными и добрыми. Но его удивляло другое: почему многие так настойчиво стараются выглядеть лучше, чем они есть на самом деле?

Однажды на площади собралась толпа. Два торговца спорили из-за стоимости привезённого масла. Каждый обвинял другого в нечестности, каждый ссылался на свидетелей, и оба говорили так громко, словно громкость голоса могла заменить доказательства.

Наконец один из них воскликнул:

— Ты разоришься, если будешь продолжать торговать подобным образом!

— Лучше разориться, чем потерять доброе имя! — ответил второй.

Диоген, стоявший неподалёку, тихо произнёс:

— А если доброе имя осталось, а совесть потеряна?

Его услышал пожилой мужчина, наблюдавший за спором.

— Что ты сказал, мальчик?

— Ничего особенного.

— Нет, повтори.

Диоген посмотрел на него.

— Я подумал, что человек может сохранить хорошую репутацию и при этом поступать дурно.

Старик усмехнулся.

— Ты ещё молод. Репутация необходима человеку. Без неё никто не станет иметь с ним дела.

— А если он действительно честен, но никто ему не верит?

— Тогда ему придётся доказать свою честность.

— А если он не хочет ничего доказывать?

— Значит, он глупец.

Диоген задумался.

— Или ему не так важно, что о нём думают другие.

Старик рассмеялся.

— С такими мыслями ты далеко не уйдёшь, мальчик.

— А обязательно куда-то идти?

Старик посмотрел на него с удивлением, затем покачал головой и отвернулся.

Диоген остался на площади. Он не чувствовал себя победителем в этом коротком разговоре. Ему вообще не нравилось ощущение победы над человеком только потому, что тот не нашёлся с ответом. Гораздо интереснее было обнаружить вопрос, который заставлял задуматься обоих.

Вечером он рассказал матери о встрече.

— Ты опять спорил со взрослыми? — спросила она.

— Нет. Я только отвечал на вопросы.

— Иногда лучше промолчать.

— Почему?

— Потому что люди не всегда хотят услышать то, что ты думаешь.

— А зачем тогда спрашивают?

Мать улыбнулась.

— Бывает, что человек спрашивает не для того, чтобы узнать правду, а для того, чтобы услышать подтверждение собственной правоты.

Диоген посмотрел на неё с неподдельным интересом.

— Значит, иногда лучше не отвечать?

— Иногда.

— А как узнать, когда именно?

— Этого я тебе не скажу. Ты должен научиться сам.

Мальчик задумался. Ему нравилось, когда мать не торопилась давать готовые ответы. В отличие от отца, который стремился объяснить устройство мира, она иногда позволяла ему самому искать объяснение. Возможно, именно поэтому разговоры с ней не вызывали у него желания немедленно возражать.

Через несколько дней Гикесий решил взять сына с собой на встречу с одним из влиятельных горожан. Тот владел несколькими торговыми судами, имел связи в соседних поселениях и пользовался большим уважением среди состоятельных жителей Синопы.

Дом этого человека был просторным и богато украшенным. Внутри находились мраморные статуи, расписные сосуды, дорогие ткани и предметы, привезённые из разных стран. Хозяин встретил гостей радушно, предложил им вино и долго рассказывал о своих торговых успехах.

— Человеку необходимо стремиться к большему, — говорил он. — Сегодня у тебя один корабль, завтра три, послезавтра десять. Если остановишься, другие обойдут тебя.

Гикесий одобрительно кивал.

— В торговле нельзя терять бдительность.

— Совершенно верно! — воскликнул хозяин. — Иначе всё, чего ты достиг, достанется другому.

Диоген сидел рядом и рассматривал помещение. Его внимание привлекла небольшая статуя, изображавшая человека с поднятой рукой.

— Кто это? — спросил он.

— Гермес, — ответил хозяин. — Защитник путешественников и торговли.

— Он тоже помогает богатым становиться ещё богаче?

Гикесий слегка нахмурился.

Хозяин, однако, рассмеялся.

— У тебя любопытный сын. Нет, мальчик. Боги помогают тем, кто почитает их и не забывает о должном.

— А если человек почитает богов, но забывает о людях?

На этот раз улыбка хозяина стала менее уверенной.

— Ты ещё ребёнок. Взрослые вопросы не всегда нуждаются в детских рассуждениях.

— Но взрослые люди иногда поступают по-детски, — спокойно ответил Диоген.

Гикесий положил руку ему на плечо.

— Довольно, сын.

Мальчик замолчал.

Возвращаясь домой, отец некоторое время шёл молча. Затем сказал:

— Ты должен научиться выбирать слова. Не всякая мысль нуждается в том, чтобы её произносили вслух.

— Но если я вижу, что человек говорит неправду?

— Ты не всегда можешь знать, что он говорит неправду.

— А если знаю?

— Тогда подумай, чего ты добьёшься своим возражением.

— Может быть, он задумается.

— А может быть, сочтёт тебя невоспитанным и перестанет принимать в своём доме.

Диоген пожал плечами.

— Тогда я не потеряю ничего, кроме приглашения.

Гикесий остановился и посмотрел на сына.

— Ты пока не понимаешь, насколько важны связи между людьми. Никто не живёт в одиночестве. Нам нужны друзья, союзники, покровители. Человеку следует заботиться о своём положении.

— А если ради положения приходится говорить то, во что не веришь?

— Иногда приходится быть осторожным.

— Осторожность — это когда боишься сказать правду?

Отец тяжело вздохнул.

— Нет, Диоген. Осторожность — это когда понимаешь последствия своих поступков.

Мальчик задумался. Он не хотел обидеть отца. Более того, уважал его труд, знания и способность разбираться в сложных делах. Но в их разговорах всё чаще обнаруживалось нечто странное: Гикесий говорил о том, как человеку следует приспосабливаться к миру, а Диоген пытался понять, почему сам мир требует от человека такого количества уступок.

В тот вечер мальчик долго не мог уснуть. За окном шумел ветер, и где-то вдалеке перекликались ночные сторожа. Он вспоминал богатый дом, статую Гермеса, слова отца и лица людей на площади.

Ему казалось, что взрослые придумали множество правил, чтобы облегчить себе жизнь, но затем сами стали зависеть от этих правил. Они стремились к богатству, потому что богатство обещало свободу, однако боялись потерять его. Добивались уважения, но постоянно тревожились о чужом мнении. Искали положение среди людей, а потом уже не могли представить себя без него.

Он ещё не знал, что однажды назовёт подобные стремления рабством. Пока это было только смутное чувство, не имевшее ни названия, ни законченной мысли.

Но в нём уже начинало формироваться убеждение, которое со временем станет основой всей его жизни: человек должен прежде всего разобраться в самом себе, иначе всё приобретённое им однажды превратится в цепь.

И, возможно, самым трудным для него окажется не отказаться от богатства, не высмеять человеческую гордыню и даже не бросить вызов сильным мира сего, а научиться жить так, чтобы ни один человек не мог купить его свободу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ДОМ, В КОТОРОМ ГОВОРИЛИ О БОГАТСТВЕ

В доме Гикесия редко говорили о том, что не имело практического значения. Даже семейные беседы нередко начинались с обсуждения хозяйственных дел, торговых новостей или планов на ближайшие дни. Отец Диогена был убеждён, что человек должен знать, чем располагает, что ему принадлежит и на что он может рассчитывать завтра. Неопределённость он считал опасной, а беспечность — почти таким же пороком, как расточительство.

Впрочем, дом этот нельзя было назвать холодным. Гикесий любил жену и сына, заботился о близких, помогал родственникам, когда те оказывались в затруднительном положении. Он не был скрягой и не стремился копить деньги исключительно ради самого накопления. Ему хотелось, чтобы семья была защищена от случайностей, чтобы сын получил достойное образование, а имя отца оставалось уважаемым среди сограждан.

Именно поэтому он всё чаще приглашал Диогена в мастерскую.

— Посмотри внимательно, — говорил он, показывая мальчику на весы. — Вот серебро, вот гири, вот мера. Если каждый будет пользоваться собственной мерой, торговля превратится в обман. Поэтому люди договорились о правилах, которым должны следовать все.

— А кто придумал эти правила? — спрашивал Диоген.

— Люди, которым пришлось решать общие дела.

— А если они ошиблись?

— Тогда правила можно изменить.

— А кто решает, что они ошиблись?

Гикесий улыбался.

— Ты не оставляешь мне времени для работы.

— Я могу подождать, пока ты закончишь.

Отец смеялся, но иногда ему казалось, что сын не столько хочет узнать ответы, сколько проверяет прочность каждого из них.

Однажды в мастерскую пришёл человек по имени Филон, давний знакомый Гикесия. Он занимался торговлей зерном, имел несколько складов и считался одним из наиболее состоятельных жителей Синопы. Его сопровождал молодой раб, который нёс небольшую деревянную шкатулку.

— Гикесий, друг мой! — приветствовал он хозяина. — Говорят, у тебя появились новые образцы монет. Я хотел бы взглянуть на них.

— Для тебя найдётся всё необходимое, — ответил тот.

Филон положил на стол шкатулку. В ней находились серебряные монеты из разных городов. Он стал выкладывать их одну за другой, рассказывая о торговых путях, выгодных сделках и людях, с которыми ему довелось иметь дело.

— Вот эта монета пришла из Милета, эта — с островов, а эту мне привезли из Афин. Посмотри, как отличаются изображения. Каждый город хочет оставить на металле собственный знак.

Диоген взял одну из монет и внимательно рассмотрел её.

— А если убрать изображение, она станет дешевле?

Филон рассмеялся.

— Конечно. Люди должны знать, откуда она пришла и кому принадлежит.

— Но ведь серебро останется тем же.

— Серебро останется, мальчик, но ценность монеты определяется не только металлом.

— Значит, люди платят ещё и за знак?

— Иногда за знак, иногда за доверие, иногда за удобство.

Диоген положил монету на стол.

— А если все перестанут доверять этому знаку?

Филон посмотрел на Гикесия.

— У тебя в доме растёт настоящий спорщик.

— Я уже начинаю это замечать, — ответил отец.

Когда гость ушёл, Гикесий некоторое время разбирал монеты, затем подозвал сына.

— Ты должен понять одну вещь. Деньги сами по себе не делают человека ни хорошим, ни плохим. Всё зависит от того, как он ими распоряжается.

— Значит, богатый человек может быть добрым?

— Разумеется.

— А бедный — злым?

— Конечно.

— Тогда почему люди так часто думают, что богатый лучше бедного?

Отец задумался.

— Потому что богатство нередко свидетельствует о способностях человека. Он сумел добиться успеха, организовать дело, приобрести имущество.

— А если ему просто повезло?

— Удача тоже имеет значение.

— А если он получил богатство от отца?

— Тогда ему следует сохранить и приумножить наследство.

Диоген посмотрел на него.

— Получается, что богатство может появиться у человека по разным причинам, но окружающие всё равно будут уважать его одинаково?

— Не одинаково. Люди умеют отличать достойное от недостойного.

— Всегда?

Гикесий не ответил сразу.

— Нет, не всегда. Но ты должен помнить: не следует судить о человеке только по его имуществу.

— Я и не сужу, отец. Я пытаюсь понять, почему его имущество так часто становится главным доказательством его достоинства.

Гикесий снял с пояса ключи и положил их на стол.

— Потому что людям нужны видимые доказательства. Богатство можно увидеть, дом можно измерить, корабли можно пересчитать. А доброту, честность и мудрость измерить гораздо труднее.

— Значит, люди выбирают то, что легче измерить?

Отец посмотрел на сына и невольно улыбнулся.

— Иногда ты говоришь так, словно прожил уже несколько жизней.

— А разве для того, чтобы заметить очевидное, обязательно нужно прожить долго?

В этот день разговор закончился неожиданно. Гикесий не рассердился, но впервые почувствовал, что привычные объяснения не убеждают сына. Он видел в Диогене умного мальчика, которому следовало дать хорошее образование и научить разбираться в людях. Но он ещё не понимал, что сын постепенно начинает сомневаться не в отдельных поступках, а в самой системе ценностей, которой жил весь город.

Вечером в доме собрались гости. За большим столом сидели родственники, торговцы и несколько знакомых Гикесия. Разговор, как обычно, касался городских дел. Обсуждали стоимость зерна, положение в соседних поселениях, новые корабли, предстоящие праздники и возможность заключения выгодных соглашений.

Один из гостей, пожилой землевладелец, рассказывал о своём сыне, который недавно приобрёл большой участок земли.

— Теперь у него будет собственное хозяйство, — с гордостью произнёс он. — Через несколько лет он сможет стать одним из самых уважаемых людей в округе.

— Это хорошее начало, — заметил другой.

— Хорошее? Прекрасное! У него уже есть земля, работники, скот. Осталось только расширить владения.

— А чего он сам хочет? — неожиданно спросил Диоген.

Все посмотрели на мальчика.

— Что значит, чего хочет? — удивился землевладелец.

— Он хочет заниматься землёй или только стать уважаемым человеком?

За столом послышался смех.

— Это одно другому не мешает, — ответил хозяин разговора.

— А если ему не нравится земледелие?

— Тогда он найдёт себе другое занятие.

— Но вы говорите о его будущем так, словно уже решили, каким оно должно быть.

Отец хотел вмешаться, но землевладелец поднял руку.

— Пусть говорит. Мне любопытно. А каким, по-твоему, должно быть будущее человека?

Диоген немного подумал.

— Наверное, таким, в котором он не обязан притворяться кем-то другим.

Улыбки за столом постепенно исчезли.

— Это красиво сказано, — произнёс один из гостей. — Но жизнь не состоит из одних красивых слов. Человек должен думать о семье, о положении, о завтрашнем дне.

— Я не говорю, что не должен. Но если он всю жизнь думает только о том, каким его хотят видеть другие, когда же он узнает, какой он сам?

Пожилой землевладелец покачал головой.

— Ты рассуждаешь как философ, мальчик.

— А это плохо?

— Нет. Но философам нередко не хватает понимания жизни.

Диоген посмотрел на него с любопытством.

— А людям, которые слишком заняты жизнью, иногда не хватает времени подумать о ней?

На этот раз никто не засмеялся.

Гикесий мягко попросил сына выйти во двор. Диоген послушался. Он не испытывал обиды, но понимал, что снова сказал нечто, что взрослые сочли неудобным.

Отец вышел следом.

— Ты не обязан соглашаться со всеми, — сказал он, — но должен научиться уважать чужой опыт.

— Я уважаю его.

— Тогда почему ты постоянно ставишь под сомнение то, что говорят люди?

— Потому что хочу понять, действительно ли они сами верят в свои слова.

Гикесий прислонился к каменной колонне.

— Ты думаешь, что можешь прожить без всего того, о чём мы говорили сегодня? Без имущества, без положения, без уважения окружающих?

Диоген посмотрел на тёмное небо.

— Не знаю.

— Тогда почему споришь?

— Потому что я ещё не знаю, что мне действительно необходимо. Но мне кажется, что люди часто боятся задать себе этот вопрос.

Отец долго молчал. Впервые за многие годы он почувствовал не раздражение, а тревогу. Ему хотелось, чтобы сын был счастлив, чтобы не знал нужды, чтобы имел друзей и уважение.

Но он начинал подозревать, что путь, который Диоген выбирает в собственных размышлениях, может однажды привести его совсем не туда, куда мечтал направить его отец.

— Мир не станет другим только потому, что ты не согласен с ним, — произнёс Гикесий.

— Я и не прошу его становиться другим.

— Тогда чего же ты хочешь?

Диоген не ответил. Он ещё не мог сформулировать то, что постепенно созревало в нём. Возможно, ему хотелось лишь одного: чтобы человек мог оставаться самим собой, не покупая право на это ни за деньги, ни за почёт, ни за чужое одобрение.

Они вернулись в дом. Гости уже перешли к другой теме, и прежняя оживлённость восстановилась. Но Диоген больше не участвовал в разговоре. Он сидел у стены и слушал, как взрослые обсуждают богатство, словно оно было не одним из условий жизни, а её главным смыслом.

Позднее, когда гости разошлись, мать спросила сына:

— Ты сегодня опять расстроил отца?

— Не хотел.

— Я знаю. Но он тревожится за тебя.

— Почему?

— Потому что хочет, чтобы ты был счастлив.

Диоген посмотрел на неё.

— А если он думает, что для счастья мне нужно то, чего я сам не хочу?

Мать задумалась и поправила складку на его одежде.

— Тогда ему будет трудно понять тебя. Но, может быть, однажды он поймёт, что любовь к человеку не означает права выбирать за него всю его жизнь.

Диоген ничего не ответил. Он вышел во двор и сел на низкую каменную ступень. Вдалеке шумело море, над крышами мерцали звёзды, а город постепенно погружался в ночную тишину.

В доме, где почти каждый разговор возвращался к богатству, он впервые почувствовал, что его собственная жизнь может начаться с отказа принимать чужие представления о счастье как единственно возможные. Пока это был лишь тихий внутренний протест, ещё не ставший поступком. Но именно такие сомнения иногда оказываются прочнее любых клятв, потому что человек, однажды усомнившийся в навязанной ему цели, уже не может бездумно идти к ней всю оставшуюся жизнь.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ПЕРВЫЕ СОМНЕНИЯ

Прошло несколько месяцев. В Синопе наступила пора, когда море становилось особенно щедрым к рыбакам, а торговые гавани наполнялись кораблями, прибывавшими из далёких городов. На рынках появились новые товары, в порту чаще слышались незнакомые языки, и даже самые неторопливые жители начинали говорить о предстоящих торговых возможностях.

Диоген повзрослел настолько, что отец стал поручать ему небольшие дела. Сначала это были простые поручения: отнести письмо, проверить доставку товара, передать мастеру необходимые инструменты. Гикесий считал, что сыну пора знакомиться с настоящей жизнью, а не только наблюдать за ней со стороны.

Однажды он поручил Диогену сопровождать помощника в городскую гавань. Там ожидали партию серебра, предназначенную для дальнейшей обработки. Мальчик должен был проследить, чтобы груз был доставлен в мастерскую без задержки.

Работа оказалась несложной. Грузчики перенесли мешки на телегу, помощник проверил сопроводительные отметки, и вскоре они направились к дому. Однако по дороге Диоген заметил небольшую группу людей, собравшихся возле рыбного ряда.

Там стоял молодой торговец, которого он прежде видел на рынке. Перед ним лежала корзина с рыбой, а напротив находился покупатель, пожилой мужчина в простой одежде.

— Ты обещал мне свежую рыбу, — говорил покупатель. — А эта пролежала на солнце.

— Она свежая, — уверял торговец.

— Тогда почему от неё такой запах?

— Потому что ты слишком долго её разглядываешь, почтенный господин.

Несколько человек засмеялись. Покупатель покраснел от возмущения.

— Я не стану платить за испорченный товар!

— Тогда не покупай. Другие найдутся.

Диоген остановился. Торговец заметил его и на мгновение отвёл глаза. Мальчик вспомнил, что несколько дней назад видел, как тот выбирал рыбу для собственной семьи. Тогда торговец долго перебирал товар и откладывал в сторону всё, что считал недостаточно свежим.

— Ты сам такую рыбу ешь? — спросил Диоген.

Торговец раздражённо посмотрел на него.

— Тебя это не касается.

— Но ты ведь не стал бы покупать её для себя.

— Я знаю, какую рыбу следует выбирать.

— Значит, ты знаешь, что продаёшь человеку?

— Послушай, мальчик, иди своей дорогой.

Покупатель повернулся к Диогену.

— Оставь его. Он всё равно не признается.

Но Диоген не уходил.

— Если ты знаешь, что товар плохой, почему называешь его свежим?

— Потому что торговля требует умения, — огрызнулся молодой человек. — Не всякому дано понимать такие вещи.

— А честность тоже требует умения?

Торговец шагнул к нему, но стоявшие рядом люди вмешались, и спор постепенно стих. Покупатель ушёл, так и не купив рыбу. Диоген продолжил путь вместе с помощником.

— Ты зря вмешался, — заметил тот.

— Почему?

— Потому что это не наше дело.

— А если бы тебя обманули?

— Я бы сам разобрался.

— А если бы ты не заметил обмана?

Помощник пожал плечами.

— Тогда сам был бы виноват.

Диоген задумался. Ему показалось странным, что люди так легко объясняют чужую нечестность беспечностью того, кого обманули. Получалось, что виноватым нередко оказывался не тот, кто сознательно поступил дурно, а тот, кто не сумел вовремя распознать дурной поступок.

Вечером он рассказал об этом отцу.

Гикесий выслушал его, не перебивая.

— Ты правильно поступил, что не позволил человеку обмануть покупателя, — сказал он. — Но не следует вмешиваться в каждую ссору на рынке.

— Почему?

— Потому что ты не можешь исправить всех людей.

— А если каждый будет думать так же?

— Тогда обманщиков станет больше.

Диоген посмотрел на отца.

— Значит, иногда человек обязан вмешаться, даже если это не его дело?

— Иногда.

— А как понять, когда обязан?

Гикесий усмехнулся.

— Ты хочешь получить правило на каждый случай?

— Нет. Я хочу понять, почему люди знают, что правильно, но не всегда поступают правильно.

Отец некоторое время молчал.

— Потому что знать и делать — не одно и то же.

Эти слова запомнились Диогену. Он повторял их про себя, возвращаясь к ним в разные дни. Знать и делать — не одно и то же. Значит, человек может прекрасно понимать, что следует поступить честно, и всё же выбрать обман. Может рассуждать о справедливости, но поступать несправедливо. Может восхищаться мужеством, но бояться сказать правду, когда она становится опасной для него самого.

Но почему?

Ответа пока не было.

Через некоторое время в городе появился приезжий учитель. Его звали Леонт. Он происходил из Афин и сопровождал молодого состоятельного грека, который собирался некоторое время провести в Синопе. Леонт давал уроки сыновьям нескольких уважаемых семей, обучал их красноречию, знакомил с поэзией и рассказывал о знаменитых мыслителях.

Гикесий, узнав о его приезде, решил пригласить учителя в свой дом. Он надеялся, что знакомство с образованным человеком поможет сыну направить свои способности в более полезное русло.

Леонт оказался мужчиной средних лет, аккуратно одетым, с внимательными глазами и спокойной манерой говорить. Он не производил впечатления человека, стремящегося поразить окружающих, однако в разговоре чувствовалась уверенность, приобретённая долгими годами обучения и общения с образованными людьми.

За ужином он рассказывал о философах, чьи имена были известны далеко за пределами Афин. Говорил о природе, устройстве государства, воспитании, справедливости и человеческом счастье.

Диоген слушал с большим вниманием.

— Философия, — произнёс Леонт, — начинается с удивления. Человек замечает, что мир не так прост, как кажется, и пытается понять его устройство.

— А если он удивляется поступкам людей? — спросил Диоген.

— Это тоже может привести его к философии.

— А если он видит, что люди говорят одно, а делают другое?

Леонт улыбнулся.

— Тогда ему следует научиться различать слова и поступки.

— А если слова красивые, а поступки дурные?

— Тогда поступкам следует верить больше, чем словам.

Диоген посмотрел на учителя с неподдельным интересом.

— Значит, человек может много знать о справедливости и при этом быть несправедливым?

— Разумеется.

— Тогда зачем ему знания?

Леонт слегка наклонил голову.

— Знания помогают человеку понимать, что он делает. Но они не всегда заставляют его поступать правильно.

— А что заставляет?

Учитель задумался.

— Воспитание, разум, привычка, сила характера. Иногда всё это вместе.

— А если человек знает, что должен поступить правильно, но ему выгоднее поступить иначе?

— Тогда он оказывается перед выбором.

— И что помогает ему выбрать правильно?

— Совесть, если он научился её слушать.

Диоген помолчал.

— А кто учит человека слушать совесть?

Леонт улыбнулся.

— Похоже, ты намерен задать мне больше вопросов, чем я успею задать тебе.

— Я могу подождать.

За столом рассмеялись. Даже Гикесий улыбнулся, хотя и не без некоторого беспокойства. Ему хотелось, чтобы сын производил впечатление воспитанного и способного мальчика, а не превращал каждый разговор в испытание для собеседника.

После ужина Леонт попросил Диогена показать ему город. Они вышли на улицу и некоторое время шли молча. Учитель хотел узнать, что именно интересует мальчика, и не спешил продолжать беседу.

Они остановились возле небольшой площади, где несколько юношей упражнялись в борьбе. Один из них, проиграв поединок, сердито обвинял соперника в нечестном приёме. Тот отвечал, что победа досталась ему по правилам.

— Ты знаешь этих юношей? — спросил Леонт.

— Нет.

— А кто, по-твоему, из них прав?

— Не знаю. Я не видел начала борьбы.

— Хорошо. Значит, ты понимаешь, что нельзя судить, не зная обстоятельств.

— Но тот, кто проиграл, уже решил, что его обманули.

— Людям трудно принимать поражение.

— А почему победитель так радуется, если его победа вызывает у другого такую злость?

Леонт посмотрел на мальчика.

— Потому что победа приносит удовлетворение.

— Даже если она причиняет другому страдание?

— Не всякая победа бывает справедливой, Диоген.

Мальчик повернулся к учителю.

— Тогда почему люди так стремятся побеждать?

Леонт не ответил сразу. Он видел перед собой не просто любознательного ребёнка, а человека, который пытался найти общий смысл в самых разных явлениях. Его вопросы не были случайными. Они возвращались к одному и тому же: что делает человеческую жизнь достойной и почему люди так часто подменяют это достоинство внешним успехом?

— Возможно, потому, — произнёс учитель, — что человек нередко принимает признание окружающих за доказательство собственной ценности.

— А если окружающие ошибаются?

— Тогда ему придётся научиться не зависеть от их мнения.

Диоген остановился.

— Это возможно?

Леонт посмотрел на него внимательнее.

— Возможно. Но очень трудно.

Они продолжили путь. Впервые за долгое время Диоген почувствовал, что разговаривает со взрослым человеком, который не пытается прекратить его вопросы. Леонт не всегда соглашался с ним, иногда возражал, иногда признавался, что не знает ответа. И именно это вызывало у мальчика доверие.

Перед возвращением домой учитель сказал:

— Если ты действительно хочешь заниматься философией, тебе придётся много читать, слушать других и учиться рассуждать.

— А если я буду не согласен с тем, что прочитаю?

— Тогда тебе придётся объяснить, почему ты не согласен.

— А если никто не примет моего объяснения?

— Это ещё не означает, что ты неправ.

Диоген улыбнулся.

— Значит, не обязательно побеждать в споре?

— В философии важнее не победить собеседника, а приблизиться к истине.

Эти слова произвели на мальчика сильное впечатление. До сих пор он часто видел, как люди спорят ради того, чтобы заставить другого замолчать. Теперь перед ним возникала иная возможность: разговор, в котором оба человека ищут не победу, а понимание.

В последующие недели Леонт несколько раз приходил в дом Гикесия. Он приносил свитки, читал отрывки из произведений поэтов, рассказывал о древних преданиях и знакомил Диогена с некоторыми философскими идеями. Мальчик жадно слушал, хотя не всё понимал с первого раза.

Однажды учитель рассказал ему о человеке, который всю жизнь стремился к власти и богатству, но в конце концов понял, что не может купить ни спокойствия, ни уважения, ни настоящей дружбы.

— Значит, он был несчастен? — спросил Диоген.

— Возможно.

— Но у него было всё?

— Не всё, что действительно необходимо человеку.

— А что необходимо?

Леонт посмотрел на него с лёгкой улыбкой.

— Это один из вопросов, над которыми философы размышляют всю жизнь.

Диоген задумался.

— Может быть, потому, что они слишком долго ищут ответ в книгах?

Учитель рассмеялся.

— А где же ещё его искать?

— В самой жизни.

— И ты думаешь, что жизнь даст тебе ответ?

— Не знаю. Но ведь книги тоже написали люди, которые жили.

Леонт не стал возражать. В этом мальчике его привлекало не стремление казаться необычным, а способность сомневаться даже в тех объяснениях, которые другие принимали без раздумий.

Однако далеко не всем нравилось его поведение. Некоторые жители Синопы уже начали замечать, что сын Гикесия слишком часто задаёт неудобные вопросы. Одни считали его способным, другие — дерзким, третьи уверяли, что отец недостаточно строго его воспитывает.

Гикесий слышал эти разговоры. Они беспокоили его, но он не хотел подавлять любознательность сына. Он надеялся, что со временем Диоген научится отличать разумное сомнение от простого упрямства.

Сам Диоген пока не замечал, как постепенно меняется. Он всё чаще наблюдал за окружающими, всё реже принимал слова за истину и всё настойчивее пытался понять, почему человек, обладающий свободой выбора, так охотно подчиняется чужим ожиданиям.

Однажды, сидя у моря, он увидел, как мальчик помладше пытается построить из камешков небольшую стену. Волны раз за разом разрушали её, но ребёнок терпеливо начинал всё сначала.

— Зачем ты это делаешь? — спросил Диоген.

— Хочу построить крепость.

— Но море всё равно её разрушит.

— Тогда я построю ещё одну.

Диоген улыбнулся.

— Ты не боишься, что опять не получится?

Мальчик пожал плечами.

— А что мне делать? Перестать строить?

Диоген некоторое время наблюдал за ним. В этих простых словах было что-то удивительное. Ребёнок не требовал от моря уступить ему, не обвинял волны в несправедливости и не считал себя несчастным из-за того, что его крепость разрушалась. Он просто продолжал заниматься тем, что доставляло ему радость.

Диоген поднял с песка небольшой камень и положил рядом с остальными.

— Вот этот будет угловым, — сказал он.

Мальчик довольно улыбнулся и продолжил работу.

Когда солнце начало опускаться к горизонту, Диоген ещё долго сидел у воды. Он думал о словах Леонта, о разговорах отца, о торговцах и богатых людях, о тех, кто стремился к победе и признанию. И вдруг ему пришла в голову мысль, которую он пока не мог выразить словами: возможно, человек становится несчастным не только тогда, когда теряет то, что имеет, но и тогда, когда начинает считать необходимым то, без чего прежде прекрасно обходился.

Море тем временем продолжало разрушать маленькую крепость. Мальчик каждый раз начинал строить её заново.

Диоген смотрел на него и впервые почувствовал, что свобода может заключаться не в способности удержать всё, что тебе принадлежит, а в умении не становиться пленником того, что однажды можешь потерять.

Он ещё не знал, насколько далеко заведёт его эта мысль. Но теперь сомнение перестало быть просто детским любопытством. Оно становилось способом смотреть на мир — внимательным, беспощадным к притворству и всё более независимым от привычных человеческих оценок.

ГЛАВА ПЯТАЯ. МОНЕТЫ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЦЕНА

В мастерской Гикесия наступили напряжённые дни. Из соседних городов поступали новые заказы, торговцы торопились получить монету для предстоящих сделок, а помощники едва успевали выполнять распоряжения хозяина. В помещении постоянно звенел металл, работали весы, нагревались заготовки, и даже поздним вечером из мастерской доносились голоса.

Диоген всё чаще проводил там время. Отец поручал ему простые задания, постепенно знакомя с тонкостями ремесла. Мальчик научился различать серебро разного качества, понимал, почему одни заготовки принимались для работы, а другие откладывались в сторону, и уже мог самостоятельно проверить вес небольшой партии металла.

Но его интересовало не только ремесло. Он наблюдал за людьми, которые приходили в мастерскую, и постепенно замечал, что отношение к деньгам меняется в зависимости от того, кто держит их в руках.

Для одного монета была заработком за тяжёлый труд, для другого — частью большого состояния, для третьего — последней надеждой прокормить семью. Один торговался из-за самой незначительной разницы, другой мог щедро раздавать деньги, не замечая, сколько труда стояло за каждым из них.

Однажды в мастерскую пришёл крестьянин из окрестной деревни. Он принёс небольшой мешочек серебра и попросил обменять его на монеты, которыми можно было расплатиться на городском рынке. Одежда мужчины была изношена, руки покрыты мозолями, а лицо выглядело усталым.

Гикесий проверил металл, взвесил его и назвал сумму.

— Неужели так мало? — удивился крестьянин.

— Я назвал тебе правильную стоимость.

— Но я принёс всё, что у меня было.

— Я не могу заплатить больше, чем стоит серебро.

Мужчина помолчал, затем достал из мешочка ещё одну небольшую вещицу, завёрнутую в ткань.

— Это тоже серебро. Возьми.

Гикесий рассмотрел предмет и покачал головой.

— Это семейная застёжка. Она имеет ценность для тебя, но металл в ней почти ничего не стоит.

— Мне нужны деньги. Дочь заболела, а лекарь просит оплату.

Диоген, стоявший неподалёку, поднял голову.

— Сколько ему не хватает? — спросил он отца.

Гикесий посмотрел на сына.

— Это не имеет отношения к обмену.

— Но он сказал, что у него больна дочь.

— Я услышал.

Диоген снова повернулся к крестьянину:

— А лекарь не может подождать?

— Он уже ждал, мальчик. Но лекарствам не прикажешь ждать вместе с ним.

Мужчина говорил спокойно, без жалоб и просьб. От этого его слова прозвучали особенно тяжело.

Гикесий ещё раз взвесил серебро, затем отсчитал несколько дополнительных монет.

— Возьми. Это не часть обмена.

Крестьянин долго смотрел на деньги, потом поднял глаза.

— Благодарю тебя. Пусть боги хранят твой дом.

Когда он ушёл, Диоген спросил:

— Почему ты сначала отказался дать ему больше?

— Потому что он пришёл обменять серебро, а не просить милостыню.

— Но ты всё-таки помог ему.

— Я увидел, что он нуждается.

— Значит, иногда человеку нужно дать больше, чем положено по правилам?

Гикесий убрал весы.

— Правила помогают людям не обманывать друг друга. Но они не запрещают проявлять милосердие.

Диоген задумался.

— Тогда почему некоторые люди становятся богаче именно потому, что никогда не делают ничего сверх того, что им положено?

Отец посмотрел на сына.

— Потому что каждый человек выбирает, как ему жить.

— А тот крестьянин? Он тоже выбирает?

— У него меньше возможностей.

— Значит, свобода у людей бывает разной?

Гикесий не ответил. Он понимал, что сын снова подошёл к вопросу, на который нельзя было дать простой ответ.

В тот же день в мастерскую заглянул Филон, знакомый торговец. Он был в прекрасном настроении и рассказывал о выгодной сделке, благодаря которой приобрёл большую партию серебра значительно дешевле обычной цены.

— Иногда удача сама идёт в руки, — говорил он. — Главное — не упустить момент.

Гикесий поздравил его, а затем спросил о торговле в соседних поселениях. Разговор перешёл на цены и предстоящие поставки.

Диоген слушал молча. Наконец он спросил:

— А тот человек, который продал тебе серебро, тоже считает сделку удачной?

Филон рассмеялся.

— Если продал дешевле, значит, ему нужны были деньги.

— А ты знал, что ему нужны деньги?

— Конечно. Иначе зачем бы он согласился на такую цену?

— Значит, ты воспользовался тем, что он нуждался?

— Я воспользовался возможностью купить товар. Так устроена торговля, мальчик.

— А если бы он не нуждался, ты заплатил бы больше?

— Разумеется.

Диоген посмотрел на него.

— Тогда получается, что чем тяжелее человеку живётся, тем выгоднее с ним торговаться?

Улыбка Филона исчезла.

— Ты слишком упрощаешь вещи. Я не заставлял его продавать серебро. Он сам согласился.

— Я не говорю, что ты заставлял. Я спрашиваю, почему его нужда стала твоей выгодой.

Филон повернулся к Гикесию.

— Тебе следует серьёзнее заняться воспитанием сына. Он рассуждает так, словно торговля должна быть благотворительностью.

— Я не говорил этого, — возразил Диоген. — Я только хотел понять, где заканчивается умение торговать и начинается умение пользоваться чужой бедой.

Гикесий попросил сына выйти из мастерской.

Когда мальчик ушёл, Филон ещё некоторое время выражал недовольство, но затем разговор постепенно вернулся к делам. Однако Гикесий уже не слушал его с прежним вниманием. Вопрос сына, каким бы неудобным он ни был, не казался ему совершенно бессмысленным.

Вечером он позвал Диогена к себе.

— Ты должен понять, что не всякая выгодная сделка является несправедливой. Люди имеют право продавать и покупать на тех условиях, которые считают приемлемыми.

— Я понимаю.

— И не всякий богатый человек нажил состояние нечестным путём.

— Я тоже этого не говорил.

— Тогда почему ты постоянно ставишь под сомнение чужие поступки?

Диоген помолчал.

— Потому что мне кажется, что люди слишком часто оправдывают себя тем, что так принято.

Гикесий внимательно посмотрел на сына.

— А ты уверен, что сам сумеешь жить иначе?

— Не знаю.

— Легко осуждать то, чего ещё не пришлось испытать.

— Я не осуждаю. Я пытаюсь понять, как не стать таким человеком.

Отец отвёл взгляд. В словах сына не было высокомерия. Он не утверждал, что уже нашёл правильный путь. Напротив, он словно боялся однажды обнаружить в себе те же слабости, которые замечал у других.

— Тогда начни с малого, — произнёс Гикесий. — Следи за собственными поступками. Не спеши судить окружающих.

Диоген кивнул.

— Постараюсь.

В ту ночь он долго думал о крестьянине, его больной дочери и серебряной застёжке. Ему впервые стало ясно, что за каждой монетой может скрываться человеческая история, которую невозможно увидеть, если смотреть только на вес металла и его стоимость.

И чем чаще он наблюдал за людьми, тем сильнее убеждался: деньги могут облегчить жизнь, но могут и сделать человека зависимым от чужой беды. Всё зависело не от самой монеты, а от того, что человек позволял ей решать за себя.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ОБВИНЕНИЕ

В Синопе постепенно распространялись разговоры о том, что в городе происходят странные дела, связанные с денежным обращением. Сначала это были обычные торговые жалобы: кто-то обнаружил недостаточный вес монет, кто-то обвинял соседа в использовании некачественного серебра, кто-то утверждал, что получил деньги, которые не принимали в другом поселении.

Подобные споры возникали и прежде. Но теперь они стали чаще, а вместе с ними росло недовольство людей, отвечавших за городские финансовые дела.

Гикесий был связан с денежным ремеслом, поэтому любые разговоры о нарушениях неизбежно затрагивали и его имя. Он не считал себя виновным и был уверен в правильности своей работы. Однако чем настойчивее распространялись обвинения, тем осторожнее он становился.

Диоген замечал перемену в отце. Тот реже разговаривал за ужином, чаще задерживался в мастерской и иногда просыпался среди ночи. Когда сын спрашивал, что случилось, Гикесий отвечал, что это взрослые дела и ему не следует беспокоиться.

Но однажды вечером в дом пришли трое мужчин. Они не стали ждать приглашения и сразу потребовали встречи с хозяином.

Гикесий вышел к ним.

— Что привело вас ко мне в такой час?

Старший из пришедших, человек с суровым лицом и короткой седой бородой, достал из-под плаща небольшой свёрток.

— Нам необходимо поговорить о монетах, которые проходили через твою мастерскую.

— Я готов ответить на любые вопросы.

— Тогда объясни, почему некоторые из них имеют вес ниже установленной нормы.

— Я не отвечаю за все монеты, которые обращаются в городе. Моя мастерская выполняет только те заказы, которые получает.

— Но твоё имя упоминается в документах.

Гикесий взял свёрток и внимательно осмотрел несколько монет.

— Эти монеты не выходили из моей мастерской.

— Ты уверен?

— Абсолютно.

— Тогда тебе придётся это доказать.

— Я представлю записи, образцы и свидетельства работников.

Мужчина спрятал свёрток.

— Надеюсь, ты понимаешь серьёзность происходящего.

— Понимаю.

Когда посетители ушли, Гикесий ещё долго стоял посреди комнаты. Диоген наблюдал за ним из-за колонны.

— Отец, они обвиняют тебя?

Гикесий обернулся.

— Ты должен был уже спать.

— Я слышал разговор.

— Это не твоё дело.

— Но если они обвиняют тебя несправедливо, разве я не должен знать?

Отец тяжело опустился на скамью.

— Пока ничего не решено. Возможно, это обычная проверка.

— А если нет?

— Тогда придётся защищать своё имя.

Диоген подошёл ближе.

— Ты говорил, что важно поступать честно. Если ты поступал честно, разве этого недостаточно?

Гикесий посмотрел на сына с усталой горечью.

— К сожалению, нет. Человеку иногда приходится доказывать то, что он считает очевидным.

— Даже если другие не хотят ему верить?

— Особенно тогда.

На следующий день Гикесий отправился к городским должностным лицам. Он взял с собой записи мастерской, перечень заказов и имена людей, которые могли подтвердить происхождение монет. Диоген остался дома, но всё утро не находил себе места.

К вечеру отец вернулся мрачнее, чем накануне.

— Что они сказали? — спросил мальчик.

— Проверка продолжается.

— Они нашли доказательства?

— Пока нет.

— Тогда почему ты так расстроен?

Гикесий снял плащ и положил его на скамью.

— Потому что иногда человеку достаточно оказаться под подозрением, чтобы окружающие начали относиться к нему иначе.

— Но если он невиновен, разве это имеет значение?

— Для правды — нет. Для человеческой жизни — имеет.

В последующие дни ситуация обострилась. На площади обсуждали возможные нарушения, называли разные имена, пересказывали слухи. Одни защищали Гикесия, другие утверждали, что его положение и связи могли помочь ему скрыть какие-то действия.

Диоген впервые увидел, как быстро меняется отношение людей к человеку, имя которого оказалось связано с подозрением. Те, кто ещё недавно приветствовал его отца с почтением, теперь иногда проходили мимо, не здороваясь. Некоторые торговцы отменяли встречи, другие предпочитали вести дела через посредников.

Мальчик не мог понять, почему люди так легко отказываются от прежнего уважения, если ещё не знают правды.

Однажды он встретил на улице сына одного из городских чиновников. Тот прежде охотно общался с Диогеном, но теперь сделал вид, что не заметил его.

— Ты меня не узнаёшь? — спросил Диоген.

Юноша остановился.

— Узнаю.

— Тогда почему не здороваешься?

— Не хочу вмешиваться в дела твоей семьи.

— А приветствие уже считается вмешательством?

Юноша покраснел.

— Ты не понимаешь. Сейчас лучше держаться подальше от твоего отца.

— Почему?

— Потому что неизвестно, чем всё закончится.

Диоген посмотрел на него.

— Значит, если человек может оказаться виновным, с ним лучше не разговаривать?

— Не передёргивай мои слова.

— Я только пытаюсь понять.

Юноша отвернулся и ушёл.

Диоген долго смотрел ему вслед. Он не чувствовал ненависти, но впервые испытал нечто похожее на разочарование в людях, которых прежде считал друзьями.

Вечером он спросил мать:

— Почему люди боятся поддерживать того, кого ещё не признали виновным?

Она ответила не сразу.

— Потому что боятся сами оказаться под подозрением.

— Значит, они думают прежде всего о себе?

— Иногда страх оказывается сильнее доброты.

— А разве можно уважать человека только тогда, когда он ни в чём не обвинён?

Мать вздохнула.

— Уважение проверяется не только тогда, когда всё хорошо. Но не каждый способен выдержать такую проверку.

Тем временем Гикесий продолжал защищаться. Он встречался с работниками, собирал сведения, пытался выяснить, откуда появились подозрительные монеты. Некоторые свидетельства подтверждали его слова, другие оставались неясными.

Исторические обстоятельства этой истории, о которой позднее будут рассказывать по-разному, не позволяют уверенно восстановить все подробности. Но для семьи Гикесия происходящее было не отвлечённым спором о монетах. Под угрозой оказалось всё, что составляло их привычную жизнь: доброе имя, положение в городе, спокойствие дома и будущее Диогена.

Однажды ночью мальчик проснулся от приглушённых голосов. Отец разговаривал с матерью в соседней комнате.

— Я не позволю им сделать из меня виновного только потому, что кому-то это выгодно, — говорил Гикесий.

— Но если решение уже принято?

— Тогда я должен хотя бы попытаться защитить себя.

— А Диоген?

После этих слов наступила тишина.

— Я не хочу, чтобы он расплачивался за то, чего не совершал, — наконец произнёс отец.

Диоген лежал неподвижно. Он не понимал всех обстоятельств, но впервые почувствовал, что происходящее может изменить их жизнь гораздо сильнее, чем очередная городская ссора.

Наутро он пришёл к отцу в мастерскую.

— Я могу тебе помочь?

Гикесий посмотрел на него.

— Чем?

— Я могу рассказать людям, что видел. Я знаю, как ты проверяешь серебро, как работаешь с весами и как относишься к обману.

Отец покачал головой.

— Твои слова не решат этого дела.

— Но если ты прав, почему я должен молчать?

— Потому что я не хочу, чтобы ты оказался втянут в то, чего ещё не понимаешь.

Диоген опустил глаза.

— Я понимаю, что люди могут обвинить человека, не зная правды.

Гикесий положил руку ему на плечо.

— Запомни, сын: в жизни бывают несправедливости, которые нельзя исправить одним честным словом. Но это не значит, что нужно переставать говорить правду.

Диоген поднял голову.

— Тогда я буду помнить.

Отец впервые за долгое время улыбнулся.

Но эта улыбка быстро исчезла. Впереди было разбирательство, исход которого никто не мог предсказать. И чем ближе становился день решения, тем яснее Диоген понимал, что человеческая справедливость далеко не всегда совпадает с тем, что люди называют законом.

Он ещё не знал, что история его семьи вскоре станет частью его собственной судьбы. Пока он только наблюдал, как рушится привычный порядок, и видел, что человек может потерять уважение окружающих раньше, чем будет установлена его вина.

А это было, пожалуй, первым настоящим испытанием его представлений о справедливости.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ИЗГНАНИЕ

В тот день отец вернулся домой раньше обычного.

Диоген заметил это сразу. Хикесий не снял плащ, не попросил подать воды и даже не заглянул в мастерскую, где ещё с утра работали его помощники. Он остановился посреди двора, словно забыл, зачем пришёл, и долго смотрел на каменную стену, освещённую полуденным солнцем.

Мать вышла ему навстречу.

— Что случилось?

— Решение принято.

Она не стала спрашивать, какое именно. По его лицу уже поняла, что речь идёт не о деньгах и не о торговых делах.

— И что теперь?

Хикесий посмотрел на неё.

— Город больше не считает нас своими.

Диоген, стоявший у дверного проёма, почувствовал, как внутри у него что-то сжалось. Он слышал разговоры соседей, замечал настороженные взгляды, видел, как вчерашние знакомые стали переходить на другую сторону улицы. Но до этой минуты всё ещё надеялся, что недоразумение разрешится, что кто-нибудь разберётся в случившемся и произнесёт простые слова: «Вы свободны. Возвращайтесь к своей жизни».

— Нас изгоняют? — спросил он.

Отец повернулся к нему.

— Да.

— За что?

Хикесий помолчал.

— Ты уже знаешь, что произошло.

— Я знаю, что тебя обвиняют. Но я спрашиваю, за что именно нас лишают дома?

— Иногда, сын мой, решение принимают не потому, что истина установлена, а потому, что людям необходимо поскорее избавиться от сомнений.

— Значит, они не знают, виновен ты или нет?

— Не знают.

— Тогда почему судят?

Отец устало опустился на скамью.

— Потому что страх редко умеет ждать доказательств. А толпа ещё реже умеет отличать подозрение от приговора.

Диоген подошёл ближе.

— Ты обманывал людей?

Хикесий поднял глаза. Вопрос был жестоким, но он не рассердился.

— Я не стану просить тебя верить мне только потому, что я твой отец. Когда-нибудь ты сам должен будешь решить, кому верить и почему. Но запомни: человек может потерять имущество, положение и даже доброе имя. Страшнее всего, если он сам перестанет понимать, кем является.

— А если все вокруг считают его преступником?

— Тогда ему особенно важно не становиться тем, кем его называют.

Мать отвернулась. Она пыталась скрыть слёзы, но Диоген видел, как дрожат её руки.

Вечером они собирали вещи. Дом, который ещё недавно казался Диогену целым миром, вдруг стал тесным и чужим. В каждой комнате оставалось что-то от прежней жизни: деревянная чаша, отцовский инструмент, ткань, которую мать берегла для праздника, маленькая глиняная фигурка, подаренная мальчику много лет назад. Теперь всё это приходилось делить на две кучки: то, что можно взять, и то, что придётся оставить.

— Мы вернёмся? — спросил Диоген.

Мать не ответила.

Отец, услышав вопрос, произнёс:

— Человек всегда надеется вернуться туда, откуда его изгнали. Но иногда дорога меняет его настолько, что прежний дом уже не может принять его таким, каким он стал.

— А если мы ничего не сделали?

— Тогда тем более не позволяй чужому решению стать твоей собственной виной.

На рассвете они вышли из дома.

У ворот никто не провожал их. Несколько человек стояли поодаль, делая вид, что заняты своими делами. Один из бывших отцовских знакомых, заметив Хикесия, опустил глаза. Другой отвернулся. Только старый сосед, с которым отец когда-то вместе работал, тихо произнёс:

— Мне жаль.

Хикесий остановился.

— Жаль не должно быть последним словом между людьми.

Но сосед не нашёлся, что ответить.

Диоген оглянулся на город. Синопа поднималась над морем, её стены золотились в утреннем свете. Здесь он родился, здесь впервые увидел корабли, услышал споры взрослых, научился различать голоса торговцев и рыбаков. Здесь находился его дом, и здесь же ему впервые показали, насколько непрочными могут быть человеческие связи.

Он не плакал. Не потому, что не было больно, а потому, что ещё не умел выразить эту боль.

Когда они спустились к дороге, мать оглянулась последней. Хикесий продолжал идти, не оборачиваясь.

— Отец, — произнёс Диоген, — если город может изгнать человека, значит, он не принадлежит ему?

— Возможно.

— А кому же он принадлежит?

Отец посмотрел на сына.

— Вот это тебе и предстоит выяснить.

И они пошли дальше, оставляя за спиной город, который когда-то называли своим.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ДОРОГА БЕЗ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Первые дни пути были трудными.

Они двигались медленно, выбирая дороги, по которым можно было пройти без лишних встреч и расспросов. Хикесий старался не задерживаться в поселениях, где его могли узнать. Мать несла небольшой узел с одеждой и самыми необходимыми вещами. Диогену досталась сумка, в которой лежали хлеб, несколько сушёных плодов и маленький нож.

Поначалу мальчик воспринимал путешествие почти как приключение. Новые дороги, незнакомые селения, морской ветер, меняющий направление, люди, говорившие на разных наречиях, — всё это отвлекало его от недавней беды.

Но постепенно он начал понимать, что дорога бывает не только пространством между двумя городами. Иногда она становится тем местом, где человек впервые остаётся наедине с самим собой.

Однажды они остановились у небольшого поселения. Возле колодца спорили двое мужчин. Один обвинял другого в том, что тот продал ему испорченное зерно. Второй клялся, что товар был хорошим, а покупатель сам неправильно его хранил.

— Ты украл у меня деньги! — кричал первый.

— А ты хочешь получить зерно и ещё вернуть плату! — отвечал второй.

Люди собрались вокруг. Каждый высказывал своё мнение, хотя никто не видел, каким было зерно и при каких обстоятельствах его продавали.

Диоген остановился.

— Почему они спорят, если никто из них не знает правды? — спросил он отца.

— Потому что каждый хочет, чтобы правдой признали именно его слова.

— Но ведь от этого правда не изменится.

— Не изменится, — согласился Хикесий. — Однако люди часто предпочитают победить в споре, а не разобраться в том, что произошло.

Диоген ещё немного посмотрел на спорящих, затем пошёл дальше.

Вечером они устроились на ночлег неподалёку от дороги. Мать разожгла небольшой костёр. Хикесий долго сидел молча, глядя на огонь. В последние дни он заметно постарел. Его движения стали медленнее, а в голосе появилась усталость, которой Диоген прежде не замечал.

— Отец, — спросил мальчик, — ты жалеешь, что мы покинули Синопу?

— Я жалею, что не смог уберечь вас от того, что произошло.

— Но ты ведь не хотел уезжать.

— Не хотел.

— Тогда почему не остался?

Хикесий долго смотрел на сына.

— Потому что иногда оставаться означает каждый день доказывать людям, что ты имеешь право жить среди них. Я не хотел, чтобы наша жизнь превратилась в бесконечную просьбу о разрешении.

Диоген задумался.

— Значит, свобода — это когда никто не может выгнать тебя?

— Нет, сын мой. Тогда свободным был бы только тот, кому принадлежит вся земля. Но такой человек всё равно зависел бы от того, кто сильнее его.

— А что же тогда свобода?

— Не знаю, — спокойно ответил отец. — И не уверен, что человек должен стыдиться такого ответа.

Эти слова удивили Диогена. Он привык думать, что взрослые знают больше детей, а отцы — больше сыновей. Но теперь перед ним сидел человек, который не пытался скрыть незнание за красивыми словами.

На следующий день они встретили старика, сидевшего у дороги. Рядом лежала пустая корзина. Он попросил немного хлеба. Мать остановилась и достала из узла небольшой кусок.

— Благодарю, — сказал старик. — Да воздаст вам бог за доброту.

Хикесий кивнул, но Диоген спросил:

— А если бы у нас самих не было хлеба, ты всё равно попросил бы?

Старик посмотрел на него с лёгкой улыбкой.

— Тогда я попросил бы воды.

— А если бы не было и воды?

— Тогда посидел бы рядом с вами. Иногда человеку нужно не столько получить что-нибудь, сколько перестать чувствовать себя одиноким.

Диоген долго смотрел ему вслед, когда они продолжили путь.

К вечеру мальчик снова заговорил с отцом:

— Мы взяли с собой почти всё, что могли. Но если бы нас заставили уйти совсем без вещей, что осталось бы у нас?

— Мы сами.

— А если человек потеряет и себя?

Хикесий остановился.

— Тогда, пожалуй, ему придётся начать поиски заново.

Эта мысль не давала Диогену покоя. Он вспоминал дом, мастерскую, соседей, знакомые улицы. Всё это осталось позади, но вместе с тем он чувствовал, что внутри него постепенно освобождается место для чего-то нового. Он ещё не знал, что именно ищет, и не мог назвать это ни мудростью, ни свободой. Пока это было только беспокойство, заставлявшее задавать вопросы, на которые взрослые не всегда находили ответы.

Однажды утром, когда они поднялись на холм, перед ними открылся широкий простор. Далеко внизу блестело море, а на горизонте виднелись паруса кораблей. Диоген остановился.

— Там другие города? — спросил он.

— Много других, — ответил отец.

— И в каждом люди считают себя умными, богатыми и счастливыми?

Хикесий улыбнулся впервые за долгое время.

— Скорее всего.

— Тогда, наверное, мне придётся побывать во многих городах.

— Зачем?

Диоген посмотрел вдаль.

— Чтобы понять, почему люди так уверены, что знают, как надо жить, если почти никто из них не умеет объяснить, что такое хорошая жизнь.

Хикесий не ответил. Он лишь положил руку сыну на плечо.

Дорога продолжалась. Впереди были чужие города, новые встречи, испытания и люди, которые ещё не знали, что однажды этот изгнанник станет одним из самых неудобных собеседников своего времени. Но пока он оставался мальчиком из Синопы, потерявшим родной дом и впервые обнаружившим, что мир гораздо больше городских стен, а человеческая свобода начинается, возможно, с вопроса, который человек не боится задать самому себе.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ЧУЖИЕ ГОРОДА

Первым большим городом, в котором они остановились после долгого пути, оказался город, живший торговлей и морем. Здесь сходились дороги из разных областей, прибывали корабли с товарами, а на пристанях с утра до вечера звучали голоса людей, говоривших на самых разных наречиях.

Диогену казалось, что город никогда не спит. Даже ночью где-то скрипели телеги, перекликались сторожа, хлопали ставни, а из прибрежных таверн доносились песни моряков.

— Здесь, должно быть, живут очень богатые люди, — заметил он, разглядывая большие дома возле гавани.

— Богатые живут во многих городах, — ответил Хикесий. — Но не каждый богатый человек умеет жить.

— А как это понять?

— Посмотри, как он обращается с теми, от кого ему ничего не нужно.

На следующий день Диогену представилась возможность проверить отцовские слова.

На площади перед храмом стоял человек в дорогой одежде. Вокруг него собрались торговцы и просители. Он громко рассказывал о своих путешествиях, о знакомстве с влиятельными людьми и о том, сколько кораблей принадлежит его семье. Когда к нему приблизился пожилой носильщик и попросил заплатить за выполненную работу, богач даже не посмотрел в его сторону.

— Подожди, пока я закончу разговор, — бросил он.

Носильщик отошёл, опустив голову.

Диоген некоторое время наблюдал за происходящим, а затем спросил отца:

— Если у этого человека столько кораблей, почему он не может расплатиться с одним носильщиком?

— Возможно, потому, что деньги для него важнее человека.

— Но ведь он рассказывает, какой он богатый.

— Именно поэтому ему так важно, чтобы все об этом знали.

Немного погодя тот же человек заметил Хикесия. Узнав в нём человека, знакомого с торговыми делами, он подошёл и заговорил приветливо.

— Вы недавно прибыли? Я могу познакомить вас с достойными людьми. В этом городе полезно иметь друзей.

Хикесий поблагодарил его, но не стал поддерживать разговор.

— Вы слишком осторожны, — заметил богач. — Без связей здесь трудно чего-нибудь добиться.

— А если мне нечего добиваться?

Собеседник рассмеялся, приняв ответ за шутку.

Диоген же запомнил эту встречу. Ему показалось странным, что один и тот же человек способен быть любезным с теми, кто может оказаться полезным, и равнодушным к тому, кто нуждается в самой простой справедливости.

Вечером они нашли пристанище у хозяина небольшого постоялого двора. За ужином тот разговорился с Хикесием и спросил, откуда они прибыли.

— Из Синопы, — ответил отец.

— Далеко же вас занесло. По торговым делам?

Хикесий помедлил.

— По обстоятельствам.

Хозяин не стал расспрашивать, но его жена, подававшая на стол, посмотрела на них с участием.

— Дорога не всегда бывает добровольной, — сказала она. — Мой брат тоже однажды покинул родной город. Думал, что скоро вернётся. Прошло десять лет.

— И вернулся? — спросил Диоген.

— Нет. Но однажды прислал письмо. Написал, что нашёл место, где его никто не спрашивает, кем он был прежде.

Эти слова заинтересовали мальчика.

— А кем он стал?

Женщина улыбнулась.

— Этого он не написал.

Позднее, когда они остались одни, Диоген долго думал о незнакомом человеке. Возможно, тот тоже когда-то покинул дом, надеясь переждать несчастье. Возможно, ему пришлось начать всё заново. Но почему для того, чтобы жить спокойно, человеку иногда нужно оказаться среди чужих?

— Отец, — спросил он, — почему в каждом городе люди так стараются показать, кто они?

— Потому что боятся, что без этого их не заметят.

— А если человека не замечают, разве он перестаёт существовать?

— Нет. Но многие ведут себя так, словно это именно так.

Наутро они покинули постоялый двор и снова отправились в путь. Диоген оглянулся на городские стены. Вчера они казались ему величественными, сегодня — просто каменными сооружениями, за которыми жили люди со своими заботами, надеждами и страхами.

Он начинал понимать, что города отличаются друг от друга не только зданиями, рынками и богатством. В каждом из них существовали свои правила, свои представления о достоинстве и успехе. Но почти повсюду люди одинаково боялись потерять то, что считали своим.

И всё чаще мальчик задавался вопросом: если человек вынужден постоянно охранять своё положение, имущество и доброе имя, можно ли назвать его по-настоящему свободным?

Ответа пока не было.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ЧЕЛОВЕК БЕЗ СОБСТВЕННОСТИ

К тому времени вещи, взятые из Синопы, постепенно пришли в негодность. Дорога не щадила ни одежду, ни обувь, ни дорожную утварь. Небольшие запасы денег тоже таяли: приходилось платить за ночлег, покупать пищу и иногда пользоваться услугами перевозчиков.

Хикесий старался не показывать беспокойства, но Диоген замечал, как внимательно отец пересчитывает оставшиеся монеты.

Однажды вечером они остановились в селении неподалёку от дороги. Здесь проходила ярмарка, и на площади было многолюдно. Торговали тканями, посудой, зерном, домашней птицей. Рядом с торговыми рядами расположились ремесленники, предлагая свои услуги.

Диоген задержался возле человека, продававшего небольшие деревянные чаши. Тот работал тут же, возле своего товара, и на глазах у покупателей вырезал новые изделия из заготовок.

— Сколько стоит эта? — спросил Диоген.

— Две медные монеты.

— А если у меня нет денег?

Ремесленник усмехнулся.

— Тогда чашу ты не получишь.

— А если я помогу тебе вырезать другую?

— Ты умеешь работать с деревом?

— Нет. Но могу попробовать.

Старик внимательно посмотрел на мальчика, затем протянул ему небольшой кусок дерева.

— Попробуй. Только не испорти инструмент.

Диоген принялся за работу. Нож несколько раз соскользнул, на поверхности появились неровности. Ремесленник терпеливо показывал, как держать заготовку и куда направлять лезвие.

Когда мальчик закончил, чаша получилась не слишком красивой, но вполне пригодной для употребления.

— Забирай, — сказал мастер.

— Я же не заплатил.

— Ты заплатил своим временем и старанием. Правда, если будешь продолжать в том же духе, мне придётся купить тебе новую заготовку.

Они оба рассмеялись.

Диоген принёс чашу отцу.

— Смотри, я заработал её сам.

Хикесий осмотрел изделие.

— Неплохо.

— Значит, теперь она моя?

— Если ты не потеряешь её по дороге.

— А если потеряю?

— Тогда перестанешь быть её владельцем.

Диоген задумался.

— Получается, я владелец только до тех пор, пока могу удержать вещь?

— В некотором смысле.

— Но ведь она не становится хуже оттого, что я её потерял.

— Не становится.

— И я не становлюсь хуже?

Отец улыбнулся.

— Это зависит не от чаши.

В ту ночь Диоген положил своё приобретение рядом с дорожной сумкой. Ему было приятно иметь вещь, которую он сделал почти собственными руками. Но впервые он задумался о различии между тем, что человек действительно умеет делать, и тем, что просто находится в его распоряжении.

Через несколько дней случилось небольшое происшествие.

На узкой дороге им повстречался обоз. Одна из повозок застряла в размытой колее, и возница тщетно пытался заставить волов сдвинуть её с места. Несколько прохожих остановились, но никто не спешил помогать. Каждый опасался испачкать одежду или задержаться.

Хикесий предложил свою помощь. Диоген тоже принялся толкать колесо. Когда повозка наконец выбралась из грязи, возница поблагодарил их и предложил немного денег.

— Не нужно, — ответил Хикесий.

— Но вы же потратили время.

— Мы могли пройти мимо. Просто не захотели.

Возница посмотрел на них с недоумением, затем достал из мешка несколько лепёшек и протянул матери Диогена.

— Тогда примите это. Не в плату, а в дорогу.

На этот раз Хикесий не отказался.

Вечером Диоген спросил:

— Почему ты не взял деньги?

— Потому что не всякая помощь должна превращаться в торговлю.

— Но ты принял лепёшки.

— Потому что человек хотел отблагодарить нас. Иногда принять благодарность не менее важно, чем оказать помощь.

Мальчик долго молчал.

— Значит, человек может дать что-то другому и ничего не потерять?

— Конечно. Он может отдать время, силы, внимание. И при этом не стать беднее в том, что действительно имеет значение.

— А что он имеет?

Хикесий посмотрел на сына.

— Пока ты молод, тебе будет казаться, что самое важное можно посчитать. Потом, возможно, поймёшь, что не всё ценное поддаётся счёту.

Вскоре их пути с одним из попутчиков, старым торговцем, некоторое время совпадали. Тот вёз ткани и мелкие товары, а вечерами любил рассказывать о своих поездках.

— Я объехал немало земель, — говорил он. — Везде одно и то же: люди хотят иметь больше, чем имеют соседи. Если у одного два дома, другому нужны три. Если у одного хороший корабль, сосед мечтает о двух. Так устроен мир.

— А ты сам доволен тем, что имеешь? — спросил Диоген.

Торговец рассмеялся.

— Доволен? Разве можно быть довольным, когда вокруг столько возможностей?

— Но если ты всегда хочешь больше, когда же ты будешь жить?

Старик перестал улыбаться.

— Ты ещё ребёнок. Тебе пока неведомо, сколько забот у взрослого человека.

— Возможно. Но если все заботы нужны только для того, чтобы приобрести новые заботы, зачем они?

Торговец покачал головой и обратился к Хикесию:

— У тебя необычный сын.

— Я и сам иногда не знаю, что ему ответить, — сказал отец.

Когда торговец уехал, Диоген некоторое время смотрел ему вслед. Он не осуждал этого человека. Скорее, ему было жаль, что тот, объехав столько стран, так и не нашёл ответа на вопрос, который мальчику казался всё более важным.

Поздно вечером Диоген достал деревянную чашу, которую вырезал на ярмарке. Он провёл пальцами по неровному краю и поставил её возле себя.

У него почти ничего не осталось от прежнего дома. Не было мастерской, не было привычной улицы, не было уверенности в завтрашнем дне. Но он мог смотреть, слушать, задавать вопросы, помогать другим и учиться тому, чего прежде не умел.

Возможно, это ещё не было свободой. Но впервые Диоген почувствовал, что потеря вещей не обязательно означает потерю самого себя. И если однажды ему придётся расстаться даже с последней принадлежавшей ему вещью, он хотел бы знать, что именно останется с ним после этого.

Он ещё не знал, что впереди его ждёт встреча с людьми, которые будут учить мудрости за плату, и с человеком, который однажды предложит ему целый мир. Пока же он просто учился обходиться малым, не превращая нужду в предмет гордости и не принимая чужое богатство за меру человеческого достоинства.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ПЕРВОЕ ОДИНОЧЕСТВО

С каждым днём Диоген всё чаще замечал, что отец и мать стараются скрыть от него собственную тревогу. Они говорили о предстоящем пути, о возможности найти работу, о городах, в которых можно было бы остановиться, но за этими разговорами чувствовалось нечто большее — усталость людей, лишённых уверенности в завтрашнем дне.

Хикесий уже не был тем человеком, каким Диоген помнил его в Синопе. Там отец знал цену каждому товару, умел разговаривать с влиятельными торговцами, принимал решения и распоряжался делами. Теперь он чаще молчал, долго смотрел вдаль и порой казался человеком, который сам не знает, куда направляется.

Однажды вечером они остановились в небольшом селении. Мать договорилась о ночлеге у пожилой женщины, жившей на окраине. Хикесий отправился узнать, нет ли поблизости работы, а Диоген остался во дворе.

Солнце уже садилось. Над крышами поднимался дым, где-то кричали дети, из-за ограды доносилось блеяние овец. Обычная жизнь продолжалась, и от этого мальчику вдруг стало особенно тяжело.

Он вспомнил свой дом в Синопе. Вспомнил, как по утрам отец уходил в мастерскую, как мать занималась домашними делами, как соседи приветствовали друг друга, как знакомые голоса наполняли улицу. Тогда всё это казалось настолько естественным, что он даже не задумывался о ценности привычного мира.

Теперь у него не было ничего привычного.

Он сел на низкую каменную ступеньку и долго смотрел на дорогу.

— Ты ждёшь кого-нибудь? — спросила хозяйка дома.

— Нет.

— Тогда почему так внимательно смотришь?

— Мне кажется, что если долго смотреть на дорогу, кто-нибудь обязательно вернётся.

Женщина присела рядом.

— Кого ты ждёшь?

— Наш дом.

Она не сразу ответила.

— Дом не ходит по дорогам, мальчик.

— Я знаю. Но иногда мне кажется, что он остался там, а мы ушли слишком далеко.

Женщина осторожно положила руку ему на плечо.

— Человек может потерять дом, но память о нём остаётся. Только не превращай эту память в цепь, которая не позволит тебе идти дальше.

Диоген ничего не сказал.

Позднее вернулся отец. Работы в селении не нашлось, и Хикесий решил, что утром они продолжат путь. За ужином он заметил молчание сына.

— Что с тобой?

— Ничего.

— Ты стал часто отвечать так, когда тебе есть о чём подумать.

Диоген посмотрел на него.

— Отец, ты когда-нибудь чувствовал себя чужим среди людей, которые тебя знают?

Хикесий отложил кусок хлеба.

— Да.

— Когда?

— В Синопе, в последние дни перед нашим уходом.

— Но там ведь был твой дом. Там тебя знали с детства.

— Именно поэтому было больнее. Чужие люди могут не принять тебя, потому что ничего о тебе не знают. А те, кто знал тебя много лет, иногда отворачиваются, потому что им страшно оказаться рядом с тобой.

— Значит, человек может быть одиноким даже среди знакомых?

— Может.

— А можно ли избавиться от этого одиночества?

Отец подумал.

— Не всегда. Но можно научиться не предавать себя только ради того, чтобы кто-нибудь сел рядом.

Диоген опустил глаза. Он не был уверен, что понял отцовские слова, но почувствовал в них нечто важное.

На следующий день они снова отправились в путь. Дорога проходила через холмистую местность, где редко встречались поселения. К полудню мать устала и попросила остановиться. Они расположились под оливковым деревом.

Хикесий отошёл к дороге, чтобы осмотреть повозку, а мать задремала. Диоген остался один.

Вокруг не было ни голосов, ни людского шума. Только ветер двигал листьями, да где-то вдалеке перекликались птицы.

Мальчик вдруг понял, что одиночество бывает разным. Одно приходит тогда, когда тебя оставляют люди. Другое возникает даже среди близких, когда ты не можешь объяснить им то, что происходит у тебя внутри.

Он вспомнил слова отца: не предавать себя ради того, чтобы кто-нибудь сел рядом.

Тогда ему впервые пришла в голову мысль, что, возможно, человек должен научиться быть собеседником самому себе. Не для того, чтобы отказаться от других людей, а для того, чтобы не зависеть от их одобрения во всём, что думает и чувствует.

Когда отец вернулся, Диоген спросил:

— Ты считаешь, что человек должен иметь друзей?

— Конечно.

— А если у него их нет?

— Тогда ему будет труднее.

— Но он всё равно может жить?

— Может. Только не путай способность обходиться без людей с презрением к ним. Это разные вещи.

Диоген запомнил и эти слова.

В тот вечер он впервые не стал просить мать рассказать что-нибудь о Синопе. Он слушал её рассказы о детстве отца, о старых праздниках, о людях, которых давно не видел, но больше не пытался мысленно вернуться туда, откуда они были изгнаны.

Ему всё ещё было больно. Однако теперь он начинал понимать, что прошлое не обязано определять всю дальнейшую жизнь человека.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

Наступила осень. Дороги стали прохладнее, ночи — длиннее, а дожди всё чаще заставляли путников искать укрытие. Семья Диогена двигалась медленно, выбирая более безопасные маршруты и останавливаясь там, где удавалось найти ночлег.

Хикесий всё реже говорил о возвращении. Иногда он упоминал Синопу, но уже без прежней горечи. Казалось, он постепенно привыкал к мысли, что прежняя жизнь осталась позади.

Однажды они не успели добраться до ближайшего поселения до наступления темноты. Пришлось остановиться на открытом месте, неподалёку от небольшой рощи. Хикесий собрал сухие ветки, развёл огонь, а мать приготовила скромный ужин.

Небо было необыкновенно ясным. Над землёй раскинулась тёмная глубина, усеянная звёздами. Диоген лежал на плаще и смотрел вверх.

— Отец, — позвал он.

— Что?

— В Синопе у нас был дом. Здесь у нас нет даже крыши.

— Зато над нами всё небо.

— Но оно ведь никому не принадлежит?

Хикесий улыбнулся.

— Наверное, нет.

— Тогда почему люди строят стены, ставят заборы и спорят из-за земли, если самое большое пространство нельзя разделить между собой?

— Потому что человек хочет придать всему вокруг определённость. Ему спокойнее, когда он знает, где заканчивается его владение и начинается чужое.

— А небо не заканчивается.

— Для человеческой руки — нет.

Диоген снова посмотрел вверх.

— Значит, есть вещи, которыми нельзя владеть?

— Есть вещи, которыми можно только пользоваться, не считая их своей собственностью.

Мать, сидевшая у костра, вмешалась в разговор:

— А разве плохо иметь собственный дом? Разве плохо, когда у человека есть место, куда он может вернуться?

— Нет, — ответил Хикесий. — Плохо лишь тогда, когда человек начинает считать, что без этого места он уже никто.

Мать посмотрела на него с грустью.

— Ты говоришь так, будто тебе самому больше ничего не нужно.

— Мне нужно многое. Но я стараюсь понять, что действительно необходимо, а без чего можно обойтись.

Диоген повернулся к отцу.

— А ты уже понял?

Хикесий покачал головой.

— Нет. И, пожалуй, именно поэтому продолжаю искать.

На следующий день они встретили группу путешественников, направлявшихся в сторону Афин. Среди них был молодой человек по имени Тимон, торговавший небольшими изделиями из металла. Он охотно рассказывал о столице Эллады, о её рынках, храмах, театрах и философах.

— В Афинах каждый второй считает себя мудрецом, — говорил он, смеясь. — Там можно встретить людей, которые готовы спорить о справедливости целый день, но не уступят другому человеку место в тени.

— А кто-нибудь из них действительно мудр? — спросил Диоген.

— Наверняка есть и такие. Но как их отличить от остальных?

— Я бы хотел узнать.

Тимон посмотрел на мальчика с любопытством.

— Тебя интересуют философы?

— Меня интересуют люди, которые знают, как жить.

— Тогда тебе придётся немало потрудиться. В Афинах каждый учит других, но далеко не каждый способен последовать собственному учению.

Хикесий слушал их разговор, не вмешиваясь. Когда путешественники сделали привал, он подошёл к Тимону и спросил, можно ли будет найти в Афинах работу. Тот ответил, что возможности там есть, особенно для человека, знакомого с торговлей и ремеслом.

— А что до твоего сына, — добавил он, — пусть держится поближе к тем, кто умеет задавать вопросы. В Афинах это занятие иногда ценят выше, чем умение торговать.

Диоген услышал последние слова.

— А если вопросы неприятны?

Тимон рассмеялся.

— Тогда, возможно, они самые полезные.

Несколько дней они шли вместе. Разговоры с Тимоном открывали Диогену новый мир, о котором он прежде знал лишь по редким рассказам. Он впервые услышал имена Сократа, Платона и других афинских мыслителей. Некоторые из них уже ушли из жизни, другие продолжали влиять на споры и взгляды людей.

Особенно его заинтересовал рассказ о Сократе.

— Говорят, он задавал людям вопросы, на которые они не могли ответить, — рассказывал Тимон. — И чем увереннее человек утверждал, что знает истину, тем больше вопросов ему приходилось выдерживать.

— Значит, он хотел показать, что люди ничего не знают?

— Не совсем. Он хотел, чтобы они задумались о том, что считают знанием.

Диоген замолчал.

Ему вспомнились собственные разговоры с отцом, рыночные споры, встреченные на дорогах люди и вопросы, которые всё чаще возникали в его голове.

Возможно, в Афинах он найдёт тех, кто не станет отмахиваться от них.

Однажды вечером, когда они остановились у дороги, Хикесий спросил:

— Ты хотел бы жить в Афинах?

— Хотел бы.

— Почему?

— Потому что там много людей, которые думают.

— А если окажется, что большинство из них думает совсем не так, как ты?

— Тогда мне придётся понять почему.

Отец внимательно посмотрел на сына.

— Не забывай, что несогласие не всегда означает глупость. И не всякий человек, который говорит красиво, говорит правду.

— Я постараюсь помнить.

— И ещё одно. Не ищи мудрость только у тех, кого называют мудрецами. Иногда человек, который никогда не произносил философских речей, может знать о жизни больше любого учителя.

Диоген кивнул.

Впереди уже лежала дорога к Афинам. Он ещё не знал, что там его ждёт встреча с Антисфеном, что привычные представления о богатстве, достоинстве и человеческих потребностях будут подвергнуты испытанию и что однажды его собственная жизнь станет вызовом обществу, привыкшему измерять человека его положением.

Пока же он был молодым изгнанником, которому предстояло впервые войти в город, где слова ценились почти так же высоко, как золото. И, возможно, именно там он поймёт, что слова сами по себе ещё никого не делают свободным.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ШКОЛА, В КОТОРОЙ НЕ УЧИЛИ ПОКОРНОСТИ

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. АФИНЫ ВСТРЕЧАЮТ ЧУЖАКА

Афины открылись перед Диогеном ранним утром.

Сначала он увидел городские стены, затем крыши домов, поднимавшиеся над ними, и, наконец, холм Акрополя, на котором возвышались храмы. Солнце только начинало освещать каменные сооружения, и город казался ему одновременно величественным и немного суровым.

Они вошли через одни из ворот вместе с торговцами, крестьянами и путешественниками. Здесь никто не интересовался, откуда прибыл очередной человек, если только он не привёз товар или не представлял угрозы. Поток людей двигался по своим делам, и Диоген впервые ощутил себя совершенно незаметным.

В Синопе его знали как сына Хикесия. На дорогах он был изгнанником. Здесь же он оказался просто одним из многих.

— Что ты думаешь об Афинах? — спросил отец.

— Они больше, чем я представлял.

— Это ещё не ответ.

Диоген оглянулся на улицу, по которой проходили люди.

— Пока я не знаю, какие они.

Хикесий одобрительно кивнул.

— Хорошо. Не спеши судить о городе по его стенам.

Тимон, который сопровождал их последние дни пути, помог найти небольшой постоялый двор. Он собирался задержаться в Афинах на несколько недель, а затем отправиться дальше по торговым делам. Благодаря его знакомству с хозяином двора Хикесию удалось договориться о временной работе.

Первое время отец занимался приёмом и оценкой товаров, помогая одному из местных торговцев. Работа была не слишком прибыльной, но позволяла семье не зависеть от случайных подаяний.

Диоген же почти всё свободное время проводил на улицах.

Его привлекали не только рынки и храмы. Он слушал разговоры людей на площадях, задерживался возле тех, кто спорил о политике, заглядывал в мастерские, наблюдал за ремесленниками и прохожими. Афины словно были огромным собранием человеческих характеров, где каждый считал себя вправе высказать мнение о мире.

Особенно часто он слышал имя Сократа.

Одни говорили о нём с восхищением, другие раздражённо называли человеком, который умел испортить любой разговор своими вопросами. Кто-то утверждал, что Сократ заставлял

собеседников сомневаться в очевидном, а кто-то смеялся над тем, что философ, по слухам, не заботился о богатстве и внешнем благополучии.

Диоген заинтересовался им.

— Ты знаешь, где можно найти людей, которые обсуждают философию? — спросил он однажды у молодого торговца книгами.

— В Афинах? Да почти повсюду. Только смотри, чтобы тебя не обманули. Некоторые продают философию так же, как другие продают оливковое масло.

— А разве философию можно купить?

Торговец рассмеялся.

— Можно купить свиток с рассуждениями о ней. Но вот получишь ли ты вместе со свитком мудрость — этого никто не обещает.

Диоген запомнил его слова.

Однажды он остановился возле группы молодых людей, окруживших человека в дорогой одежде. Тот рассуждал о добродетели, справедливости и правильном устройстве государства. Говорил он красиво, уверенно, с таким видом, будто перед слушателями стоял человек, которому открыты все тайны человеческой жизни.

Когда речь закончилась, один из юношей спросил:

— А что должен делать человек, если справедливость требует поступить против собственной выгоды?

Учитель задумался.

— Это сложный вопрос.

— Но ведь вы только что объясняли, что справедливость выше выгоды.

— Безусловно.

— Тогда почему вы не ответили?

Собеседник нахмурился и перевёл разговор на другую тему.

Диоген отошёл, но вскоре снова услышал его голос. Теперь тот рассказывал слушателям, насколько важно уметь отличать настоящую мудрость от поверхностных рассуждений.

Мальчик не удержался от улыбки.

Вечером он рассказал об этом отцу.

— Я видел человека, который говорил о справедливости, но не смог объяснить, что ему делать, когда она противоречит его выгоде.

— И что ты решил?

— Что он не знает ответа.

— Возможно, он действительно не знает. Но это ещё не означает, что он плохой человек.

— А если он делает вид, что знает?

Хикесий посмотрел на сына.

— Тогда его незнание становится опаснее. Не для него одного, но и для тех, кто ему верит.

Диоген задумался. Ему всё больше нравились Афины, но не потому, что здесь было много храмов, красивых зданий и знаменитых людей. Город привлекал его тем, что здесь можно было задавать вопросы и встречать тех, кто не всегда знал, как на них ответить.

Впервые за долгое время он почувствовал, что оказался в месте, где его беспокойство не обязательно будет восприниматься как недостаток воспитания.

И это ощущение было для него почти таким же важным, как возвращение утраченного дома.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ГОРОД МУДРЕЦОВ

В Афинах существовали места, где люди собирались не ради торговли, политических решений или праздничных зрелищ, а ради разговоров.

Диоген постепенно узнавал эти места. Он понял, что философия здесь не была занятием, отделённым от повседневной жизни. О ней спорили на площадях, в гимнасиях, возле храмов,

в домах состоятельных граждан и даже в мастерских, где ремесленники продолжали работать, не переставая обсуждать человеческие поступки.

Но вскоре мальчик заметил одну особенность: чем больше он слушал, тем меньше понимал, кто из спорящих действительно ищет истину.

Одни говорили о природе мира, другие — о государстве, третьи — о душе и добродетели. Каждый пользовался собственными понятиями, ссылался на известных мыслителей и порой так увлекался доказательством своей правоты, что забывал, с чего начался разговор.

Однажды Диоген оказался возле небольшого собрания, проходившего во дворе гимнасия. Там выступал человек по имени Филократ, известный среди молодых афинян своими рассуждениями о воспитании и нравственности.

— Человек должен научиться управлять собой, — говорил он. — Тот, кто не способен подчинить разуму собственные желания, никогда не станет достойным гражданином.

Слушатели одобрительно зашумели.

Диоген поднял руку.

— Можно спросить?

Филократ посмотрел на него с некоторым удивлением.

— Спрашивай.

— А кто должен управлять разумом самого человека?

Несколько слушателей засмеялись.

— Разум и должен управлять, — ответил учитель.

— Но если человек считает разумным то, что выгодно ему самому, как он узнает, что не обманывает себя?

Филократ внимательно посмотрел на мальчика.

— Ты задаёшь вопросы, которые требуют образования.

— Значит, сначала нужно получить образование, а потом спрашивать?

— Нужно хотя бы знать, о чём спрашиваешь.

— Но если я уже знаю, о чём спрашиваю, зачем мне образование?

Смех стал громче. Один из молодых людей попытался что-то возразить, но Филократ жестом остановил его.

— Как тебя зовут?

— Диоген.

— Ты из Афин?

— Нет. Из Синопы.

— Тогда тебе следует понять, что здесь существуют определённые правила разговора. Нельзя вмешиваться в рассуждения старших, не имея достаточной подготовки.

Диоген посмотрел на него.

— А истина тоже соблюдает эти правила?

На этот раз засмеялись даже те, кто до этого молчал.

Филократ не стал продолжать беседу. Он отвернулся к остальным слушателям, и собрание продолжилось.

Диоген ушёл, не чувствуя себя ни победителем, ни побеждённым. Его не интересовало, удалось ли ему поставить учителя в затруднительное положение. Гораздо важнее было другое: он увидел, что люди иногда защищают не истину, а собственное право говорить о ней.

Позже, проходя через рынок, он заметил мальчика примерно своего возраста, который помогал пожилому продавцу раскладывать товар. Тот оказался сыном свободного афинского гражданина и посещал занятия у одного из наставников.

— Ты учишься философии? — спросил Диоген.

— Пока только начинаю.

— Чему тебя учат?

— Правильно рассуждать, различать добро и зло, понимать устройство государства.

— А тебя учат, как самому жить?

Юноша усмехнулся.

— Разве это не одно и то же?

— Не знаю. Поэтому и спрашиваю.

Мальчик задумался.

— Мне кажется, этому нельзя научить за несколько уроков.

— Тогда, может быть, это самое трудное знание?

— Возможно.

Они разговорились. Юношу звали Менекрат. Он был не особенно богат, но его семья пользовалась уважением в городе. В отличие от многих молодых афинян, он не стремился продемонстрировать своё превосходство и не считал вопросы признаком невежества.

Диогену понравилось его общество.

— Ты давно в Афинах? — спросил Менекрат.

— Недавно.

— И что собираешься делать?

— Пока не знаю.

— А чему хочешь научиться?

Диоген посмотрел на людей, проходивших мимо торговых рядов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.